

Александр Романов

Роковая ошибка

ae gitas

Александр Романов

Роковая ошибка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24429558

Роковая ошибка:

ISBN 9785911465223

Аннотация

Жизнь одних людей предсказуемо движется по течению, у других – подобно гоночной трассе наполнена крутыми поворотами и опасными виражами. Мы приходим в этот мир, чтобы выполнить свою миссию, исполнить свое предназначение. Но никому не дано заранее узнать, какие хитросплетения приготовила ему судьба. Дстойно принять эти испытания и пройти свой путь – в этом и есть смысл жизни каждого человека. Увы, далеко не всем из нас за нашу короткую жизнь удается познать настоящую любовь. Судьба часто смеется нам в лицо, позволяя разглядеть ее только сквозь призму тяжелейших утрат и страданий. Автор нашумевшей сатирической комедии “Олигарх” удивит вас и на этот раз многогранностью своего многожанрового таланта, виртуозным владением словом и эстетикой сюжетной линии. Основанная на реальных событиях психологическая драма Александра Романова поднимает на качественно новый уровень современную русскую художественную литературу.

Содержание

Эпиграф	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
1	5
2	21
3	29
4	35
5	52
6	66
7	91
8	95
9	100
10	115
11	118
12	126
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Александр Романов

Роковая ошибка

Эпиграф

*“Да воцарится разум там, где чувства и эмоции
смешались.”*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Широкие дубовые двери приемной распахнулись, и на пороге появился аристократично сложенный молодой человек с довольно выразительными чертами лица. Его темно-русые, аккуратно уложенные волосы, местами все же немного кудрявились, что, впрочем, придавало им лишь дополнительный шарм. Стремительный шаг, которым он вошел в комнату, говорил о многом. Такой шаг может быть только у мужчины, который точно знает, что хочет от жизни. И в самом деле, он был из людей, ставящих перед собой высокую цель, а затем четко и методично добивающийся ее реализации. В его взгляде отчетливо читались сила воли и уверенность в себе. Бросалась в глаза и ярко выраженная педантичность. Хорошо отглаженные стрелки брюк, накрахмаленный воротничок и манжеты белой рубашки, элегантная заколка для галстука, безупречно чистые лаковые ботинки. Его облик весьма красноречиво характеризовался понятием “скромная внушительность”.

– Добрый день! У меня назначена встреча с Виктором Николаевичем, – молодой человек вопросительно посмотрел на девушку, сидящую за большим столом в просторной прием-

ной.

– Здравствуйте! – холодно, но церемонно и размеренно, как всегда при встрече с посетителями, ответила девушка – Я так понимаю, вы господин Царев? Вам придется подождать. Виктор Николаевич еще не освобожден. Присаживайтесь пока, пожалуйста.

– Хорошо, – ответил Дмитрий, ничуть не удивившись. Он частенько сталкивался с необходимостью ожидания первых лиц и неторопливым шагом отошел к кожаному дивану.

Находясь в очередной компании, любознательный молодой человек всегда найдет себе занятие, чтобы скоротать время. Так было и в этот раз. На стеклянном столике одиноко лежала стопка журналов, среди которых выделялся яркий проспект бытовой электроники товаров, выпускающихся компанией «Электронный мир», у директора которой Дмитрию как раз и предстояло взять интервью.

Среди других предложенных ему на выбор компаний, он выбрал именно эту, потому что для создания качественной продукции на базе готовых комплектующих она максимально широко вовлекала в процесс сборки отечественных специалистов. К тому же данная сфера деятельности очень привлекала его, так как была хорошо знакомой. Как журналист он только начинал формироваться, однако, благодаря своим неординарным способностям, он быстро усваивал новую информацию, и уже успел значительно продвинуться по службе и даже заслужить уважение коллег. Свидетельством тому

явилось предложение главного редактора журнала «Столичные известия» взять интервью у первого лица одной из крупнейших компаний столицы.

Так за просмотром рекламных буклетов прошло пятнадцать минут. Оторвавшись от журнала, он неожиданно поймал на себе взгляд секретарши, демонстрировавшей едва заметную женскую заинтересованность.

Женский взгляд – тонкая материя. Настроившись на эту волну, мужчина может легко уловить эмоции, которые его вызывают. Это может быть любопытство, заинтересованность, равнодушие, уважение... Но это был самый выразительный из всех – сквозь тысячи ее вуалей неприступности проскользнула едва заметная нотка волнения, весьма скоро превратившая его во взгляд хищницы, направленный в сторону потенциальной добычи. Такой взгляд редко встречается при первой встрече. Для того, чтобы вызвать подобные эмоции у женщины, мужчине необходимо обладать недюжинным запасом положительных качеств.

Впрочем, Дмитрий не был сторонником смешивания личной жизни с профессиональной и специально не придавал этому проникновенному взгляду особого значения.

– Девушка, извините, как вы думаете, еще долго? – деловито осведомился он.

– Затрудняюсь ответить. К Виктору Николаевичу зашел заместитель по экономике и финансам, а они никогда быстро не расходятся, – скромно улыбнулась секретарша. Может

быть пока кофе ...?

Не успела она закончить фразу, как из резко распахнувшейся двери раздался крик.

– Делай что хочешь, но чтобы следующий квартал с прибылью был!

Из кабинета появился своеобразно одетый мужчина средних лет: коричневые брюки в мелкую клетку поддерживали черные подтяжки, а яркую розовую, бросающуюся в глаза рубашку, не к месту дополнял бежевый галстук. Было заметно, что мужчина изо всех сил пытался продемонстрировать претензию на стильность, однако, со стороны наряд выглядел скорее нелепо, чем элегантно.

Провожая взглядом финансового директора, Дмитрий понял, что вскоре ему предстоит использовать весь арсенал знаний в области психологии и межличностных отношений, чтобы повернуть беседу с разгоряченным директором в нужное для интервью русло. Из незакрытой двери, прозвучал низкий голос:

– Лена, принеси мне стакан воды!

Девушка плавно встала из-за стола, неспешным шагом подошла к графину с водой и, налив полный бокал, направилась к начальнику.

– Виктор Николаевич, к вам пришли!

– Кто еще? – раздраженно воскликнул директор.

– Дмитрий Царев, «Столичные известия»! – спокойно ответила Елена.

– Ах-да... пригласи через пять минут, – отрезал директор.

Через некоторое время ему наконец-то удалось войти в просторный кабинет. Выглядел Дмитрий более чем спокойно, чего совсем нельзя было сказать о директоре. Душещипательная беседа с заместителем явно потрепала его. Он сидел спиной к входу в кремовом кожаном кресле с деревянными вставками, всем своим видом показывая, что он очень занят телефонным разговором.

Слева на стене кабинета висела огромная картина в стиле модерн, и Дмитрию, сколько бы он не пытался взглянуть, так и не удалось разобраться, что же изобразил художник. В правом углу расположился брошенный в одиночестве овальный журнальный столик, на котором стояли массивная пепельница, два пустых бокала, окруженные разбросанными листками с записями. Противоположная от входа стена была завешена картами, причем некоторые из них совсем старыми: эпохи Российской и даже Римской Империи.

Шаги молодого журналиста заглушались расстеленным по всей комнате серым паласом. Директор разговаривал крайне эмоционально, однако Дмитрий мог слышать только обрывки этого диалога:

– Сейчас не время для таких трат... Сокращать издержки надо... Да эти идиоты ни черта не смыслят в региональных слияниях и поглощениях ... Меня слушай! Вот так! Мы их скрутим в бараний рог! Я тебя подводил? А? Нет, ты мне скажи, я тебя когда-нибудь подводил? ... Две недели и я их

сброшу с рынка! Все...

Подгорный небрежно кинул телефонную трубку. Его волосы слегка блестели от мусса, лицо было безукоризненно выбрито, костюм с голубой рубашкой и красным галстуком бросались в глаза своей дороговизной, на безымянном пальце правой руки красовалась большая печатка. Дмитрий поправил узел на своем шелковом галстуке и вежливо кашлянул.

Виктор Николаевич развернулся, не вставая со своего кресла и, немного опустив очки, исподлобья, со взглядом профессионального психолога, посмотрел на гостя.

– Ты «Дева»? – громким военным голосом вскоре выдавил он и осмотрел гостя проникающим взглядом.

– Простите, Виктор Николаевич...?

– По знаку Зодиака... – темпераментно, с угрюмой важностью, добавил он.

– Неожиданное начало, – немного стушевался Дмитрий. – Вообще-то, да! Вам не нравится этот знак?

– Напротив. Обожаю его, – директор вальяжно растянулся в кресле, и из-за стола показались его роскошные и явно дорогие остроносые ботинки. Он открыл небольшую коробочку, инкрустированную драгоценными камнями, и, достав большую сигару, закурил. Клуб дыма вырвался изо рта, и он явно почувствовал себя лучше. – Я сам «Дева», а вот «Скорпионов» не переносу. Ты, наверное, удивлен, что большие начальники интересуются гороскопами? В бизнесе, сынок,

всегда нужно держать нос по ветру. Разбираться во всем.

– Скажем, тебе знакома история происхождения сигар? – отвлеченно продолжал Подгорный, оторвав сигару от губ и, подняв ее на уровень глаз.

– Кое-что читал...

Но Виктор Николаевич, с видом всезнающего человека и с похвальным стремлением к точности, не дал ему продолжить:

– 12 октября 1492 года Христофор Колумб, направлявшийся в Индию, при умелой поддержке судьбы заплыл в Америку. А 29 октября стало знаковым для всех курильщиков мира. Двое его конкистадоров, Родриго де Херес и Луис де Торес, высадились на Кубе, в заливе Байя де Гибара, и обнаружили там туземцев, куривших сигары. Конечно, это были не те сигары, что курят теперь: грубо свернутые из дикого табака, они были очень толстые, их было не очень удобно держать в руке. Родриго пару раз покурил с туземцами, более того, взял с собой несколько сигар в Испанию, где впервые и закурил публично. За что на целых три года был посажен испанской инквизицией в тюрьму. – Подгорный позволил себе короткий язвительный смех и продолжил: – Впрочем, вскоре, на удивление, курение сигар стало модным среди испанской знати. Табак был очень дорог, и его обладатель автоматически приравнивался чуть ли не к представителю королевской элиты. Затем по непонятным причинам в течение трех столетий сигарами ублажали себя лишь испанцы и

португальцы. И только в восемнадцатом веке, благодаря голландским торговцам, сигары стали распространяться в Европе, и вскоре попали в Россию.

– Слово «сигара» происходит из языка древних индейских племен, – поддержал повествование Дмитрий, который, хотя и принципиально не курил, также был весьма начитанным для своего возраста, – населявших территорию Южной Америки. Туземцы верили в легенду о том, что сам громовержец сотворил сигару для наслаждения, и зажигалась она от молнии. Для ритуального вдыхания дыма использовались листья маиса, в которые заворачивали начинку из листьев другого растения, дающего при горении ароматный дым. Согласно индейскому поверью, табачный дым обладал магической силой. Когда сигары только начали проникать в Европу, им даже приписывали лечебные свойства: считалось, что курение притупляет голод, снимает боль и прибавляет силы.

– Я вижу, ты знаток истории, – удивленно ответил директор; он очень любил, когда знакомство начиналось приятным образом для обоих собеседников, – какими еще талантами удивишь? – осведомился директор и неожиданно для себя протяжно закашлял.

– Неплохо владею французским, испанским, увлекался легкой атлетикой...

Директор протяжно выпустил ровные колечки из дыма и следующие несколько секунд, размышляя, предался созерцанию их магического исчезновения.

– А я человек с военным прошлым. Приказ, исполнение, контроль. Хотя искусство – это, конечно же, великая вещь. Когда-нибудь напишу о своей жизни, – он улыбнулся, не выпуская сигары изо рта, тем самым, напомнив Дмитрию известные на весь мир фотографии Черчилля.

– Когда стану писателем, обязательно помогу вам создать вашу автобиографию...

– Молодец! Поставил цель – иди к ней! – улыбнулся Подгорный. Фраза явно подняла ему настроение, и он протянул немного запотевшую руку. – Рад знакомству! А то я думал ко мне снова прислали какого-нибудь желторотого безмозглого студента. И добавил: – Люблю уверенных в себе, но не самоуверенных. Думаю, понимаешь разницу.

Директор левой рукой снял очки и некоторое время покачивал ими у лица. – Так о чем мы поговорим? Знаешь, я человек конкретный. Я бизнесмен. А у бизнесмена, как ты понимаешь, одна задача.

– Максимизация прибыли? – смышлено предположил Дима.

– В точку. Ничто меня не расстраивает так, как потеря денег. А эти дармоеды просто выводят меня из себя, – он стукнул ладонью по столу. Одного увольняешь – второй приходит. Такой же дармоед, а то и того хуже. Мало сейчас в нашем деле толковых людей.

– Да... да... конечно, понимаю, Виктор Николаевич.

– Меня не интересуют пустые слова в газетах и журналах.

Для счастья мне нужны лишь три вещи, – он перевернул ладонь правой руки к себе и начал загибать пальцы, – любовь клиентов, уважение партнеров и смерть конкурентов.

– И все же вы не будете отрицать, что самое ценное в наше время – это информация. И перед вами, как раз тот человек, который ежедневно и ежечасно работает с ней.

– Значит, ты профессионал...

– Именно. Могу поменять слова местами, и получится противоположный смысл. Мне кажется, не деньги имеют власть над людьми, а информация, – Дмитрий вошел в образ великого пророка, который ему, на удивление всех его коллег, так легко давался. Он поднял голову вверх и слегка наклонил ее, прищурился глазами. – Мы манипулируем общественным мнением, и они покупают именно то, что нужно. Мы можем погрузить любую компанию в грязь по самые уши – и вот уже ее акции падают, клиенты отказываются от заказов.

– Вот бы тебя да ко мне в службу по связям с общественностью, – твердо проговорил Подгорный и, встав со стула и подойдя к Дмитрию, дружески похлопав его по спине, пригласил к журнальному столику в роскошные расслабляющие кресла.

Через полчаса оба довольные собой и широко улыбающиеся вышли из кабинета.

Директор подошел к секретарше и, показав указательным пальцем на собирающегося уходить Дмитрия, шепнул:

– Лена! Я бы на твоём месте положил глаз на молодого

человека.

– Виктор Николаевич! Вы же меня знаете – никаких амурных дел на работе! – смутилась она.

Дмитрий вошел в лифт, где стояла пышногрудая блондинка. Однако, едва ли она могла привлечь его мужское внимание. Ему бросалось в глаза совершенно иное: ярко-красная помада, широкие скулы и собранные в тугий пучок волосы, а все это не очень импонировало ему в женщинах. Его представления об идеальной девушке были иные.

В эту минуту в его кармане зазвонил телефон.

– Дмитрий Царев? – из крошечного динамика послышался низкий женский голос.

– Да, это я.

– Это Татьяна Андреевна из «Моснедвижимость». Кажется, нам удалось найти для вас подходящий вариант.

– Замечательно! Неужели в том районе?

– Совершенно верно. Вы сможете подъехать завтра?

– Я готов подъехать немедленно.

– О! Вы так оперативны. Я смогу туда добраться через час.

– Договорились, – удовлетворенно ответил Дима.

Риелтор сообщила точный адрес, и он в тот же момент живо представил себе этот дом, так как хорошо знал район, в котором вырос.

Через пятьдесят минут Дмитрий ждал ее у дома. Татьяна Андреевна подъехала на своем розовом «Пежо», опоздав на двадцать минут. Пока она выходила из машины, Ди-

ма успел бегло оглядеть ее: чеканно-очерченное лицо, толстые, как проволока оранжевые волосы, хитренькие глазки, поставленная улыбка, пышная грудь – все это легко умещалось в ее полноватом теле.

– Вы Дмитрий? Ой, вы такой молоденький, прекрасно выглядите... Уж простите, что заставила ждать. У меня сегодня столько встреч.

– Добрый день! Понимаю, всем не терпится. Одни съезжаются, другие разъезжаются... Это жизнь.

– Вы подбираете для себя? – сразу перешла к делу она.

Дмитрий подошел ближе к подъезду, и вежливым движением пригласил ее пройти внутрь.

– Да, вот думаю, пришло время жить отдельно.

– Правильное желание, молодой человек. Знаете, до прихода в риелторскую компанию я работала семейным психологом.

– Наверное, сейчас в риелторском бизнесе зарплаты побольше? – съехидничал Дима.

– Ну да... Повыше... Так вот, что я могу рассказать вам. Скажем американцы, у которых нет в запасе достаточного количества семейных накоплений, наиважнейшим пунктом своей взрослой жизни считают именно покупку собственной недвижимости и получение хорошей работы. Есть работа – есть деньги, возможность спокойно жить, купить дом в хорошем районе, путешествовать. А вот молодые люди, на удивление, получив высшее образование, не спешат всту-

пить в брак. Только где-то к тридцати трем годам, если настойчиво идти к своей цели, можно получить приличную работу, заплатить первый взнос за дом и подумать о семье и ребенке. Причем совсем не обязательно устраивают свадьбу. Гражданские браки очень распространены в Америке, многие пары оформляют свои отношения после рождения нескольких общих детей. Представляете?

– Представляю, только может быть мы все же... – Дмитрий пытался повернуть разговор к делу, но бывший специалист по семейным взаимоотношениям видимо еще не исчерпала тему и не унимаясь, продолжала тараторить:

– А вот немцы обычно создают семью до тридцати лет, но не торопятся заводить детей, и, что интересно, «не торопятся», как правило, женщины. Я встречалась с моими немецкими коллегами. Они исследовали этот вопрос и говорят так: во-первых, к тридцати годам многие из них только начинают делать первые уверенные шаги в карьере, во-вторых, не приходится надеяться на чью-то бескорыстную помощь, а услуги няни довольно дороги, в-третьих, детских садов в Германии очень мало и работают они только до полудня. И что вы думаете, получается в результате?

Дмитрий отрицательно покачал головой.

–В результате в современной Германии одна из самых низких рождаемостей из всех европейских стран: немки слишком долго думают, прежде чем завести ребенка. Но зато их мужья, которым приходится подолгу ждать появления на

свет наследников, становятся очень хорошими отцами. Вот я смотрю на вас и думаю, что из вас обязательно получится хороший отец.

– Да? Почему вы так думаете? – удивился Дима столь внезапному суждению.

– Ну как это... Вы импозантный, по всей видимости образованный, хорошая работа, думаете о перспективе... А вот мой бывший муж...

– Татьяна Андреевна! Это наш этаж – может быть, уже перейдем к просмотру?

– Да, да... конечно же... Кого интересует мой бывший муж... Даже меня он уже больше не интересует...

– Нет-нет... мне очень интересно, просто...

– Да, я все понимаю. Ну что ж, вот мы и на месте... – риелтор пару раз щелкнула ключом в замочной скважине и отворила железную дверь.

Это была скромная, но достаточно уютная однокомнатная квартира. Светло-бежевые недавно поклеенные обои создавали теплую атмосферу; деревянные двери не были выполнены из какой-то редкой породы, но смотрелись весьма неплохо, кухня и вовсе приятно удивила Дмитрия. Она вместила в себя и мебель, и бытовую технику. Все это было очень кстати для человека, который не хотел утруждать себя избыточными домашними хлопотами.

– Смотрите, все удобства, даже стиральная машина. Разве что посудомоечной машины нет.

– Что ж, я думаю, много гостей у нас здесь не будет. В общем, мне нравится, – приободрился Дмитрий, думая о том, что косметического ремонта будет вполне достаточно.

– Стоимость вы уже знаете. Есть только одна маленькая тонкость.

– И в чем же она?

– Хозяевам нужно пожить еще две-три недели. Они сейчас делают ремонт в новостройке и не могут заехать. Жить пока им негде.

–Я понимаю... Хорошо! У меня есть пара недель, я пока и сам не хотел перебираться. Могу я несколько минут побыть здесь один?

– Конечно... Конечно... Я пока договарюсь о следующем просмотре.

Она вышла, оставив Диму наедине, и в тот же миг его захлестнуло нетерпеливое воображение. Он прошел в единственную в квартире комнату и осмотрелся вокруг. Мысленно представил как где-то в уголке весело хихикает малыш, лежа в небольшой кроватке, силуэт элегантной стройной девушки просвечивает сквозь шторы на балконе, играет тихая музыка и легкий ветерок пробирается в слегка приоткрытую форточку. Это была его заветная мечта, в которой обязательно были дети. Никто, даже родители не понимали такой мечты в столь раннем возрасте. У всех его друзей и коллег на уме было все что угодно: мотоциклы, спортивные машины, гитары... все, только не маленькие дети. Иногда ему в голо-

ву приходили и вовсе довольно отчаянные мысли – взять ребенка из детского дома, усыновить его. Отец и мать не понимали этого и каждый раз начинали злиться, когда он заводил этот разговор.

Дима вышел на балкон и, отворив створку с двойным стеклом, ощутил монотонный шум шоссе, на которое выходили окна с этой стороны дома. По его лицу пробежал легкий ветерок сожаления о том, что квартира выходит именно на эту сторону улицы (он прекрасно знал, что даже малейший шум часто мешает его чуткому сну и это означало, что жаркими летними днями придется либо засыпать в духоте, либо мучаться бессонницей), и все же, оглянувшись еще раз он твердо заключил, что это место обладает какой-то особой для него энергетикой, подходящей для того, чтобы стать первым шагом к его полностью самостоятельной жизни. Он только начинал свою карьеру, и денег на более просторную квартиру у него пока не было. Впрочем, в его возрасте мало кто мог позволить себе жить отдельно.

В квартире было две входных двери, он отворил первую деревянную, затем железную и позвал Татьяну Андреевну.

– Давайте оформлять!

2

Его руки плотно сжимали кожаный руль, слушавшийся даже едва заметных движений его пальцев, а глаза напряженно вглядывались в разметку и дорожные знаки. Шины, с шелестом нащупывая каждую трещинку в асфальте, так и норовили слететь в наезженную колею. В такие моменты нельзя было не задуматься над тем, какими только материалами пользуются дорожные строители, если уложенного покрытия хватает в России всего на пару лет, в то время как в других странах на пятнадцать–двадцать. Впрочем, московские власти гордились тем, что все же смогли перенять некоторые технологии по латанию дыр, которые Дима не без сарказма называл «еврозаплатами».

Одно радовало Диму – дороги на пути его следования оказывались на удивление свободными, и он быстро продвигался по Кутузовскому проспекту, с легкостью преодолевая кварталы и перекрестки. Никто не подгонял его назойливым звуковым сигналом, не подрезал с озлобленностью на лице при обгоне – все это было весьма непривычным и удивительным для московских дорог, где бесконечные пробки, колдобины и мздоимствующие сотрудники патрульных служб достают из глубин человеческих душ все самое мерзкое и отвратительное. Радио было настроено на информационную волну, и сознание Димы невольно начинало жадно впитывать

доносящиеся новости и комментарии экспертов. Он не выносил тишины. Ему постоянно было необходимо находиться в каком-то информационном пространстве. Это мог быть телевизор, радио, чья-то оживленная беседа; он не знал, откуда и когда у него появилась такая характерная особенность. Ни у матери, ни у отца подобной необходимости не прослеживалось. Это было странное наваждение – везде, где это было возможно, он старался не терять времени даром, совмещать дела. «Хочешь добиться успеха», – говорил он себе – «нужно быть в два раза быстрее остальных, в три раза сообразительнее и в четыре раза более начитанным и осведомленным». Эта логика не была лишена смысла. Любой крупный город – это сконцентрированная конкурентная среда. Капитализм жестоко перемалывает кости. Компании стараются понравиться людям, предлагая свои товары и услуги. Люди стараются понравиться компаниям, демонстрируя свои способности при приеме на работу. Достойные остаются и становятся известными и знаменитыми, отстающие – выбрасываются с ринга, и им вешается клеймо неудачников. Здесь нет места пустым сентиментальностям, а балом правят три сестры: деньги, личные связи и средства массовой информации. Дима раньше своих сверстников начал понимать эти простые рыночные истины и выкладывался, как только мог.

Близилось время обеда, и его глаза забегали в поиске подходящего кафе. Неожиданно перед ним заморгала ярко-красная вывеска «Место для свиданий».

– Отлично! Сейчас найду и встречу свою судьбу! – подумал Дима и сам же улыбнулся подобной нелепости.

Он быстро нашел подходящее место для парковки и, отворив большие пластмассовые двери с овальными стеклянными вырезами, вошел в кафе. Внутри было, на удивление, весело и просторно. В центре зала проходил какой-то детский праздник, возможно даже день рождения: там разместили искусственное дерево необычной формы, почти полностью обвешенное различными красочными и моргающими украшениями, звучала зажигательная музыка, восторженные возгласы, поздравления. Почти все столики на периферии были свободны, и лишь за одним из них спиной к Диме сидела светловолосая девушка, интуитивно привлекавшая его внимание. Невесть откуда ему внезапно явилась мысль о том, что если уж какой-то даме суждено быть его судьбою, то это должна быть непременно она. Он стал подходить все ближе. Поравнявшись с нею, он начал понимать, что совсем недавно где-то уже видел ее.

– Простите... Елена!? – сконфузился Дима.

Девушка повернула голову и удивленно посмотрела на него.

– Дмитрий!?

– Две встречи подряд за один день?

– В кафе «Место для свиданий»... – Лена казалась гораздо более раскрепощенной, чем при их первой встрече.

– Так не бывает. Как вы здесь оказались?

– Оказалась? Вообще-то я всегда здесь обедаю.

– Я думал таких совпадений не бывает, здесь не занято?

– Конечно, нет, обычно я люблю обедать одна, но...

– Но...?

– Но такому приятному мужчине как вы, сложно отказать.

Дима присел против нее и, почти не разбираясь в меню, торопливо сделал заказ проворно подоспевшему официанту. Лена явно была чем-то расстроена и совсем не улыбалась, Дима напротив старался подбодрить ее и ярко жестикулировал. В глубине души ему очень сильно захотелось произвести на нее приятное впечатление; в какой-то момент он даже поймал себя на мысли о том, что любит ее.

– Слышали анекдот про секретаря и жену директора?

– Их тысячи... Расскажите, вдруг я не знаю...

– Встречаются две замужние дамы, – начал Дима, придавая своему голосу ироничную интонацию. – Одна несет торт. Вторая спрашивает. Кому торт? Секретарше моего мужа. У нее что, день рождения? Нет, слишком стройная фигура.

Лена кокетливо захихикала в кулачок.

– Я тоже знаю анекдот про журналистов. Журналист это тот, кто записывает тысячу слов в интервью и потом оставляет всего сто, которые могут абсолютно не соответствовать содержанию этой первоначальной тысячи.

– Да, иногда так бывает, – еще сильнее засмеялся он, хотя уже слышал эту шутку ранее, – но не бойтесь, с вашим директором я так не поступлю.

– А мне то чего бояться? Я наемный работник. Мне что один начальник, что другой. Все равно. Мы наемные работники как рабы, только теперь нам платят не едой и местом для ночлега, как раньше, а, как говорит один профессор в моем институте, «денежным эквивалентом».

– Ой, может, не будем красить все в черное и белое. Смотрите на это иначе, теперь мы можем позволить себе собственные автомобили...

– ... и стоять в них в многокилометровых пробках, не в силах доехать до работы.

– Просторные и удобные кабинеты...

– ... и чувствовать себя в них временными зверьками. Любой кризис – и вот нас уже можно выбросить за борт.

– Загородные дома и дачи...

– ... в сотнях километров от города.

– Нет, почему же, некоторые могут себе позволить и поближе...

– ... точно! Министры и олигархи.

– Мы имеем право голоса на выборах...

– ... и ими успешно манипулируют, подтасовывают или выставляют без альтернативных кандидатов.

– Я смотрю, вы осведомленная пессимистка?! – Дима посмотрел на нее своим задумчивым философским взглядом.

– Скорее образованная реалистка, – меланхолично ответила она, покрутив пальцем толстый свисающий с ее головы локон.

– Тогда скажите мне, по вашему мнению, как объяснить нашу уже вторую случайную встречу всего за один день?

– Судьба... – тихо ответила Елена и, поправив на руке серебряный браслет, женственно подняла мизинец и, про-ткнув тонкой палочкой маленький бутербродик, положила его в рот. – Знаете, канапе с французского означает кро-шечный бутерброд, – она неожиданно сменила тему разгово-ра. – Обычно, весом они до восьмидесяти грамм, толщиной полсантиметра с рыбой, мясом или сыром. Сначала шпажки клали рядом для украшения, на них насаживали различные красивые камушки и лишь потом решили использовать их для удобного способа еды – канапе. Хотя признаться честно, я больше люблю суши и роллы. Здесь они по четным дням. Их история берет начало еще с седьмого века, но это уже со-всем другая история. Как-нибудь поделюсь с вами...

– У меня сегодня просто день знаний. Утром ваш началь-ник напоминал мне историю появления сигар, – улыбнулся Дмитрий – Каждый о своем ...

Дима взял визитку с рекламной информацией кафе, уго-лочек который высовывался из держателя для салфеток.

– Умеете так? – Дима зажал визитку между указательным и средним пальцем и начал крутить ее последовательно меж-ду другими пальцами.

– Ого! – удивилась Елена. – Я тоже так умею, но только с карандашами. – Она вытащила один из своей сумочки и начала крутить его на пальцах правой руки. Через некоторое

время карандаш все же выскочил из ее руки и упал на пол.

Они оба кинулись поднимать его и, дотянувшись, слегка стукнулись головами.

– Ай! – закричала Елена.

– Простите! Я просто хотел помочь! – великодушно заметил он.

– Ничего! – ответила Елена, потирая лоб. – Вот мы и познакомились поближе! – хихикнула она.

Спустя несколько минут Елена завершила трапезу и собралась уходить.

– Что ж... было приятно еще раз пообщаться с вами, пора бежать.

– Может, как-нибудь встретимся здесь еще разок?

– Может. Только завтра и послезавтра у меня экзамены, и меня не будет на работе. Зато в пятницу я хотела сходить в парк и...

– ... и? – в надежде переспросил Дмитрий.

– И я вчера разругалась со своим ухажером.

– Сожалею, но зато получается, – замялся он – получается мы сможем пойти вместе?

– Если вы не против...

– Не против... Только если...

– Если...? – переспросила Елена

– Если вы перестанете быть со мной такой официальной, и мы перейдем на «ты».

– Вполне разумная и долгожданная просьба. У вас... в

смысле тебя ведь есть мой рабочий номер, но у меня нет твоего.

– Держи! – Дима протянул ей свою визитку, но затем снова одернул ее к себе. – Стой, здесь нет номера. Обычно я не даю его, не люблю переизбыток бесконечных звонков. – Он дописал номер на визитке и передал Лене. – И удачной сдачи экзаменов! Ни пуха, ни пера! – прокричал он уходящей девушке.

– К черту! – она неуклюже повернулась на ходу, и чуть было не врезалась в только что открытую другим посетителем дверь.

– Аккуратнее! – прокричал он.

3

Дима был олицетворением человека, возвращенного подобно особо ценной, с трудом выведенной породы хищника, в условиях строжайшего и консервативного воспитания. Он неплохо учился в школе. Круглым отличником он конечно же не был, впрочем, цели такой родители ему и не ставили. Пара четверок, считали они, аттестат не испортят, главное, чтобы кроме учебы хватало время и на другие увлечения ребенка. Он конструировал модели машинок и кораблей, любил логические игры и головоломки, с детства серьезно занимался плаванием. Его вечера были расписаны под завязку, времени на побегушки во дворе с друзьями совсем не оставалось. Засыпать ему часто приходилось поздно, именно поэтому голова его, едва почуввав подушку, старалась моментально отключить мыслительную деятельность, чтобы дать организму хотя бы малую толику отдыха.

С самого детства он привык слушать восторженные, а иногда и завистливые отзывы о себе. Это могла быть чья-то бабушка, пришедшая в детский сад забирать своего внука, мама или тетя очередной девочки, желавшие видеть его будущим женихом своей дочери. Позже его способности стали подчеркивать и учителя. Хотя были и злопыхатели, которые всячески пытались задеть или уколоть маленького Диму. Это могли быть всяческие язвительные выражения от

«мальчика голубых кровей» до «проклятый зазнайка». Конечно же, подобные обидные слова не имели ничего общего с действительностью. Дима никогда не зазнавался и старался не показывать свое превосходство над другими. Скорее наоборот, начитавшись книжек о пионерах и тимуровцах, всячески старался помогать тем, кто нуждался в его помощи.

Еще долго он продолжал бы быть белой вороной в классе, если бы не три школьных друга, которые предложили ему вступить в их компанию. Дима долгое время внимательно наблюдал за ними, но так и не решался дать согласие. Когда четверо мальчишек наконец-то скрепили дружбу специальным обрядом, начался новый этап в его жизни – этакое сплоченное братство. Они много времени проводили вместе, часто разгорячено спорили, но затем также быстро мирились. До окончания школы они так и остались самой дружной командой в классе и пережили много приятных моментов вместе.

Родители со школьных лет предупреждали Диму, что их помощь в его карьерном развитии будет минимальной, последнее чего бы им хотелось в этой жизни – вырастить иждивенца, не способного к самостоятельной жизни и ответственным поступкам. Хотя отец и очень сильно любил сына, он всегда был предельно строг с ним, изъяснялся очень резко, но при этом емко и откровенно. Родители всегда старались не вмешиваться ни в его личную жизнь, ни в образовательный процесс, ни в его решения о своей профессиональной

судьбе. Однако сразу определиться со своей профессией удастся далеко немногим. Вот и Дима, поступив в технический институт, на старших курсах начал испытывать необычную для «физика» тягу к гуманитарным дисциплинам. Его тянуло к литературе, диалогу, искрометной и оригинальной игре слов. Именно поэтому, окончив первый институт, он решил попробовать свои силы во втором образовании на факультете журналистики. Для многих студентов годы обучения чаще всего ассоциируются с веселым времяпрепровождением, перезачетами, хвостами и кулуарной руганью преподавателей. Но только не для Дмитрия. На всех предметах он неизменно садился на первую парту, всегда был опрятно одет и отличался сосредоточенностью. Это был своеобразный тактический расчет. Преподаватели замечали молодого активного студента. С третьего курса его назначили старостой. Нельзя было сказать, что он был несказанно рад этому – дополнительные забота и ответственность еще никому не прибавляли интереса, однако статус все же был важен для него – он подчеркивал его авторитет и заслуги. Совмещать учебу с работой он начал еще с восемнадцати лет, внутренняя энергия в нем бурлила и выплескивалась на поверхность подобно лаве извергающегося вулкана. Его задора, заинтересованности и трудолюбия с лихвой хватило бы на нескольких молодых людей.

Своему трудолюбию, трогательной вежливости и необычайной интеллектуальной закалке он во многом был обязан

своему деду, Николаю Сергеевичу, который обычно проявлял чрезвычайную строгость в его воспитании, но это была именно та строгость, которой и не хватало большинству его сверстников. Его дед всеми силами чтит память о добрых русских традициях, в чем бы они не проявлялись: в музыке ли, в изобразительном искусстве, литературе и, в особенности, манере общения и культуре речи. Непременными атрибутами его речи были уже порядком подзабытые такие формы обращения и деликатной учтивости, как «Милейшая» или «Глубокоуважаемый». Дима был его единственным внуком и поэтому был постоянно окружен вниманием и заботой деда.

Кроме того, казалось, что и сама природа явно не обделила Дмитрия мужским обаянием и приятной внешностью. «В этих русых вьющихся волосах, строгих бровях, блестящих глазах определенно что-то есть» – говорили его знакомые и друзья. Он умел показать дружелюбие и веселый добродушный взгляд, что, без всякого сомнения, благотворно действовало на любого собеседника.

Любовные же его дела, как в прочем можно было бы догадаться, скрывались подобно самым сокровенным тайнам, за семью печатями и двадцатью замками, а истории амурных походов в его рассказах менялись то под действием настроения, то по острой необходимости представить свои странствия максимально художественно и изоциренно, что невольно, все сильнее отдаляло их от реальных событий. Ка-

ким бы странным это не казалось, он по-прежнему находился в процессе внутреннего поиска, как сказали бы психологи, самоидентификации и баланса внутренних душевных сил, а если выразиться простыми словами – он редко был доволен жизнью, все вокруг представлялось ему обыденным, и по этой причине родственники и знакомые часто подмечали, что настроение у него решительно не зависело ни от хороших, ни от плохих новостей. Он столь же редко пребывал в подавленном состоянии духа, сколько и придавался какой-либо, порой даже значительной радости. Вся жизнь представлялась ему чередой томительных ожиданий: закончить школу, поступить в институт, устроиться на хорошую работу, выучить несколько языков, встретить милую сердцу девушку, создать крепкую семью, родить двоих ребятишек.

Все эти планы, все эти нескончаемые «должен», «нужно», «обязательно» не давали ему покоя и заставляли его держаться в постоянном внутреннем напряжении. Лишь хорошо знавшие его люди понимали, что переживания и эмоции в его душе были в несколько раз сильнее тех, которые испытывают, выставляя на показ, другие. Все это заставляло его постоянно пребывать в завуалированном от посторонних взглядов, нервном напряжении: заснуть он мог только в полнейшей тишине, а просыпался и начинал день с невероятными усилиями над собой.

Однако, как бы не беспокоили его эти проблемы, он панически боялся советоваться с кем-либо по этому поводу;

психологи представлялись ему в нисколько не меньшем демониическом виде, нежели хирурги или стоматологи.

– Пойдем же быстрее! Смотри как здесь замечательно! – воскликнул Дима, увлекая Лену за собой в парк. Всего за несколько мгновений он поддался незримому, неосязаемому чувству того, что уже где-то видел ее: так сильно знакомым ему казался ее смех, ее движения и голос. Не отдавая душе отчет, его сердце словно ждало эту девушку, а само свидание казалось ему столь ожидаемым, что он никак не мог отделаться от мысли о том, что все, что происходит, решительным образом обязательно должно было бы произойти, словно это было предначертано самой судьбою.

Над их головами проплыла железная кованая арка, и перед глазами предстала сказочная картина: ухоженная, будто руками любящей матери, зеленая газонная трава стелилась вдоль аллеи, высокие и размашистые деревья, вносящие дополнительную, неповторимую красоту, росли по обе стороны дорожек из разноцветных плиточек. Рядом с входом сновали десятки белых голубей, быстро склевывающих разброшенные крошки. За красными круглыми столиками кафе, неспешно потягивая охлаждающие напитки, шумели молодые люди. В воздухе стоял устойчивый запах леденцов и свежескошенной зелени. Все скамейки, конечно же, оказались занятыми. Дима взял ее за руку, и они зашагали вперед сквозь изумрудную аллею из пушистых деревьев и кустарни-

ков.

Сначала их разговор получался слегка скованным. Они совсем еще не знали друг друга.

Дима боялся полностью раскрывать все свои сокровенные тайны, Лена стеснялась и была отчасти смущена слишком стремительным развитием их отношений. И все же разговор становился все более оживленным. Лена потихоньку начала чувствовать, чем живет и о чем мечтает Дима. Его душа казалась ей бескрайним космосом, таившим в себе огромную бездну нескончаемых загадок и неизведанных уголков, которые ее так и подмывало исследовать.

– Знаешь, что мне в тебе нравится? – заговорила она после небольшой паузы.

– Что? – Дмитрий вопросительно посмотрел на нее.

– Твоя разносторонность. Наверное, с тобой никогда не бывает скучно!?

– Я стараюсь.

– Откуда все это берется? Вся твоя энергия?

– Сам иногда задаю себе этот вопрос. Наверное, таким родился. Бабушка и дедушка всегда говорили, что у меня скрытый моторчик. Я вечно везде совал свой нос, – он повернул голову к Лене и ухмыльнулся.

Это был его обычный мимический жест, но она поймала себя на мысли, что он чем-то насторожил ее. Ухмылка была очень дружественной и все же чем-то необъяснимо отталкивала ее. Они молчали некоторое время, и чтобы эта пауза

не переросла в недосказанность, Лена решила перехватить инициативу в разговоре.

– Раз ты такой разносторонний, как насчет дискотеки?

Дима воспроизвел гримасу сомнения, и теперь уже Лена вопросительно и немного игриво посмотрела на него:

– Неужели трусишь? Никогда не танцевал?

– Нет, что ты! – гордо и напыщенно парировал он, – наоборот, мне очень интересно.

Неизвестно кого он пытался обмануть в этот момент. Для него самого было очевидно, что все его естество противилось любым быстрым ритмичным движениям, в особенности тем, которые неизбежно практиковались на современных дискотеках. Он всегда чувствовал себя чужим на подобных мероприятиях. В глубине души его раздражало в них абсолютно все: публика, манеры, ужасная музыка, нелепые движения конечностями. Но ему так не хотелось показаться старомодным и выглядеть стариком на фоне этой дышащей жизнью прелестной девушки, что вскоре он все же выдал из себя:

– Почему бы и нет! Конечно, сходим!

– Только мне нужно будет еще успеть в...

– Так я заеду за тобой. Скажи, во сколько и куда?

– Нет... нет. Это личное. Нужно привести себя в порядок.

– Это так необходимо для подобного мероприятия? – Дмитрий не мог сдержаться от сарказма.

– Не становись занудой, ты еще молодой. В десять вечера. Вот адрес, – она протянула ему зеленую визитку клуба с на-

званием улицы и номером дома.

Они сделали еще пару кругов вокруг великолепного сада, обходя аккуратно разбитые полосы из ирисов и роз по четко уложенным, расчерченным как по линейке насыпным дорожкам.

Было сложно не заметить, как на них оглядывались прохожие. Они были замечательной парой и очень подходили друг другу. Он – элегантен и галантен, она мила и привлекательна. Со стороны иногда даже казалось, что они были чем-то похожи внешне. В их лицах царило спокойствие, уверенность и умиротворенность. Они рассказывали друг другу свои любимые анекдоты, вспоминали смешные истории из своего детства, вместе улыбались сложностям, которые когда-то казались им непреодолимыми проблемами.

– Представляешь! У меня вот какой случай был, – начал свою историю Дима, когда снова подошел его черед делиться воспоминаниями из детства. – Пошли мы как-то с отцом в бассейн. Лет семь, наверное, мне было. Папа у меня прыгает с самого большого трамплина, тот что почти у самой крыши бассейна... Все на него смотрят... Кажется даже плавающие остановились и замерли на водяной глади. И он в воду как прыгнет. Весь бассейн хлопает, радуется. Думаешь, конец истории? Не тут-то было. Папа берет меня и тоже на трехметровый трамплин ставит – вот, мол, мой сынишка посмотрите, тоже так может... Неудобно мне стало. Делать нечего. Подхожу я к самому краю... Так страшно стало, аж голова

кружиться начала. А папа мне: – «Не прыгнешь – опозоримся, прыгнешь – три пачки мороженого».

– Вот это я понимаю, мотивация, – засмеялась Лена, щелкнув большим и безымянным пальцем (жестом, которым она так любила щеголять) – и что, прыгнул?

– Прыгнуть-то прыгнул... Но смешное дальше. Мама, оказывается, пораньше с работы освободилась. Пришла в бассейн и вместе с бабушками других детей на это зрелище через огромное стекло на втором этаже смотрит. Коленки затряслись, а душа в пятки ушла. Я на краю стаю. Бабушки вокруг мамы заволновались, притихли, закрывая обе щеки руками, все на меня смотрят. И тут я прыгаю... Мама молчит в ужасе, бабушки вокруг нее как закричат: «Матерь божья! Что ж делается-то! Куда же мать смотрит?!»

Лена закатилась смехом так, что невольно заулыбались даже прохожие.

Два часа прогулки пролетели, как пара минут, да и могло ли быть иначе на первом свидании. Не зря ведь говорят, что жить надо так, как будто ты сейчас должен проститься с жизнью, как будто время, оставленное тебе, есть неожиданный подарок и не относиться к жизни слишком серьезно, живым тебе из нее все равно не выбраться.

Они медленно приблизились к палатке с мороженым.

– Хочешь, перекусим? – предложил Дима.

– Давай эскимо! А ты тоже будешь?

– Шоколад не люблю, – темпераментно ответил Дима, – я

лучше какое-нибудь ягодное!

– Не любишь шоколад? Моя мама говорит: – «Шоколад – это не вопрос жизни и смерти, это гораздо важнее!» Мы, девушки, без него просто не можем...

– Да уж слышан. Он вам тонус повышает, и сразу жить хочется дальше, да?

– Точно. Ты проницательный, – улыбнулась Лена.

Они взяли по брикету и продолжили прогулку. Внезапно Лена остановилась у невысоких кустов с крупными красными ягодами.

– Неужели смородина? Посмотри, какая прелесть! Редко сейчас в парках ее встретишь, – она сорвала пару гроздей и протянула Дмитрию. Он взял их, едва коснувшись ее ладони.

– Мне нравится красная, а вот черная нет.

– Почему же? Она сладкая и из нее получается замечательное варенье.

– Вот именно, поэтому и не люблю, – улыбнулся Дмитрий, и на его щеках появились симпатичные ямочки.

– Серьезно? И что же такого плохого в варенье?

– Слишком приторно.

– Так это же хорошо – подсластишь свою жизнь!

– Она у меня не такая уж плохая, чтобы подслащивать. Я вообще сладкого почти не ем.

– Какой ты забавный... редкий экземпляр, – Лена кокетливо улыбнулась.

Неожиданно из-за кустов показалась большая лошадиная

голова. Лена, стоящая спиной не могла ее заметить, и лишь когда та приблизилась к ее руке с гроздьями смородины, Лена отскочила от удивления и неожиданно оказалась в объятиях Димы. Он закрыл ее своими мужественными руками. Ее ладони оказались на его плечах, волосы слегка закрыли изящные щеки, а добрые и выразительные глаза были устремлены прямо на него. Объятие оказалось таким чувственным, трогательным и в тоже время необычно трепетным. Он почувствовал тонкий, божественно утонченный аромат ее духов. Дмитрий обожал этот компромисс изысканности и разумного употребления. Эти нежнейшие, почти музыкальные ландышевые нотки как будто парили вокруг своей хозяйки, она же лишь ловко дирижировала этими цветочными мелодиями. Казалось, что запах исходил от самой ее кожи и был таким ненавязчивым, и в тоже время притягательно сладким.

– Извини, – тихо, словно мурлыкая, прошептала Лена и перевернулась, не покидая его объятий, – я ее не видела! Какая красавица!

– Действительно. Симпатичная... – Дима продолжал держать Лену в своих объятиях, ее спина и, обласканная солнцем шея плотно прилегали к нему, и было заметно, что ей не хотелось покидать пределы обвивающих ее рук.

Черная лошадиная голова с аккуратно расчесанной выделяющейся на общем фоне белой холкой продолжала внимательно смотреть на них. Они подошли ближе и не удержавшись, нежно погладили ее. Лошадка смешно фыркнула, за-

махала гривой, и Лена, сделав пару шагов назад, снова оказалась в объятиях Димы. По ее спине заиграл озорной холодок.

– Дим! Она смеется?

– Может просто чихает!

Они отошли от кустов смородины и размеренными шагами продолжали движение. Дальше дорога раздваивалась. Вилявшая между деревьями и кустарниками тропинка, ведущая налево, словно искрилась в пылких солнечных лучах; разливающийся здесь свет озарял все вокруг так сильно, что казалось, эта дорожка ведет прямо в рай. Замечтавшийся и зачарованный этой красотой Дима ускорил шаг и в тот же момент неожиданно подскользнулся на брошенном кем-то мокром целлофановом пакете, в неловком движении он все же успел подставить левую руку и не запачкать брюки. Это было так похоже на него: в порывах своей задумчивости или восхищения от увиденного он часто утрачивал внимание и становился рассеянным.

– Осторожнее, мечтатель! – улыбнулась Лена, подбегая помочь ему встать и протягивая руку.

– Царапина! Шрамы украшают мужчину!

– Шрамы!? Смеешься!? У тебя и царапины, наверное, на руке нет! – достав из сумочки влажную салфетку, она нежно провела ею по его ладони. В этот момент Дима испытал прилив чувственного возбуждения. Ее сдобренные прозрачным, душистым кремом руки, сжимали его ладонь так ласково,

так мягко, словно через это бархатное прикосновение растекалась любовная серенада. Их взгляды встретились вновь. Лена на мгновение наклонила голову и, прищурив свои блестящие глаза, слегка заигрывающе оглядела его.

Залитая светом тропинка встретила их божественной тишиной, лишь изредка прерываемой пением птиц и шуршанием листьев, которые всеми силами старались удержаться на ветках, не поддаваясь ветреным порывам.

Дальше тропинка заканчивалась, и начинались густые дебри, напоминавшие настоящий лес. В Москве в последнее время оставалось все меньше подобных островков зелени, и поэтому все жители района при первой же возможности старались выкроить минутки и насладиться целебной атмосферой, которая подобно завораживающему покрывалу, окутывала здесь все вокруг. Тонуший в обильной зелени парк обладал своим собственным волшебным духом, и люди, заходившие в него и находившие приют под пышными кронами благодетельных деревьев, становились добрее, отзывчивее и приветливее. Здесь природа творила настоящие чудеса, исцеляя своими невидимыми руками измученные человеческие души.

В десять вечера Дима уже ожидал Лену в условленном месте. Он бросил беглый пренебрежительный взгляд на неоновую вывеску ночного клуба, из которого уже доносились бешеные дискотечные ритмы.

– Скучаем? – пожевывая лимонную жвачку, произнесла

подошедшая к нему сзади, Лена.

Одета она была откровенно и нужно признать весьма вызывающе. Ее живот был едва прикрыт красным топиком, на пупке красовалась большая сережка.

– Не знал, что ты носишь эти ...

– С шестнадцати лет. Папу попросила – он поддался, а мама потом чуть не убила нас обоих, – засмеялась она.

– И правильно сделала! Может, не стоило?

Лена грозно насупилась, явно не ожидая такого откровенно резкого комментария. Она предполагала, что воспитание Димы было весьма консервативным, но не думала, что настолько, чтобы позволить себе подобную критику.

– В каком смысле... “может, не стоило?”

– Потом ведь все равно снимать... не вечно же с нею ходить – попытался капитулировать Дима, почувствовав, что его комментарий оказался настолько неприятен ей.

– Когда буду бабушкой, вот тогда и сниму, а пока эта вещь весьма эффективно притягивает современных молодых людей.

Это был своеобразный поединок обидных слов. Никто из них не понимал, откуда пошла это ненужная словесная перестрелка.

– А разве тебе нужно искать?

Она приблизилась к нему и нежно провела ладонью по его подбородку.

– Нет, у меня же такой замечательный спутник.

– Конечно! – успокоившись, улыбнулся Дима.

Они вошли внутрь, взявшись за руки. Их стили совершенно не подходили друг другу. На Диме была консервативная тройка с черной жилеткой и темно-голубым галстуком поверх белоснежной рубашки.

Внутреннее убранство клуба слегка шокировало Диму. Стены клуба были исписаны ужасными, иногда даже настолько пошлыми рисунками, что ему было сложно определить, что больше входило в конфликт с его привычками – непрофессионализм художников или выбранные сюжеты. Верхнего света не было предусмотрено, и все освещение заключалось лишь в расставленных по углам миниатюрных красных лампах. Света от них было явно недостаточно, потому как вся атмосфера, вдобавок ко всему, была заполнена еще и едким сигаретным дымом. Молодежная музыка звучала из всех углов, и многочисленные прокуренные парочки усиленно тряслись, стараясь попадать в ритм. Не успели они пройти и пяти шагов, как к ним подошел официант.

– Курите?

– Здравствуйте! – ответил Дима, специально пытаясь указать молодому человеку на его невоспитанность. – Мы не курим и боюсь, в таких условиях, вам будет сложновато подобрать для нас спокойный уголок, – Дмитрий бросил взгляд в центр смежного малого зала, где были расставлены четыре бильярдных стола.

– Следуйте за мной! – молодой официант знаком показал

им, куда нужно пройти.

Они стали проходить сквозь толпу людей. Его наряд открыто диссонировал с одеждой других молодых людей. Справа извивался худой стилиста в кожаных черных брюках и синей жилетке, надетой поверх красной майки, слева – накаченный подросток в рваных джинсах и оранжевой футболке. Девушки кружились вокруг них нескончаемым потоком миниюбок и разноцветных колготок, а где-то вдалеке раздавались звуки бьющегося стекла. Наконец, более или менее спокойное место было найдено, и Дима учтивым движением отодвинул стул от столика и пригласил Лену присесть.

– Очень мило! – Лена села за стол, и стоящий перед ней Дима получил необычный угол обзора ее фигуры. Топик был единственным, что скрывало ее подтянутую грудь. Как и любому мужчине, ему было нелегко оторвать взгляд от этого зрелища. Наверное, он так и застыл бы на несколько минут, получая удовольствие от вида выдававшихся форм, если бы не вмешавшийся официант.

– Ваш заказ? – осведомился он, протянув меню, уместившееся всего на одном листочке. – У нас сегодня отличное пиво.

– Терпеть не могу пиво, – прошептал Дима.

– Свежевыжатый апельсиновый сок, – в один голос произнесли они неожиданно для себя.

– О! Репетировали? – улыбнулся официант.

– Нет! – игриво улыбнулась Лена. Мы просто идеально

понимаем друг друга. Дима немного поджал губы и кивком головы подтвердил ее утверждение.

– Значит, только два сока?

– Пока да!

– Хорошо! – официант уже повернулся, чтобы уйти, но Дима аккуратным движением приостановил его.

– И еще, любезнейший, можно ли здесь попросить поставить, – он засмутился и дополнил – свою музыку! У меня с собой ...

– Нет, – оборвал его официант. – Здесь танцуют под такую музыку, которая нравится всем.

– Ясно... – не стал настаивать Дима, понимая, что порядок есть порядок.

Официант удалился, и их взгляды с Леной снова пересеклись.

– В Тулу со своим самоваром не ездят. Да не бойся. Не так все страшно! Главное – ритмичные движения и поближе друг к другу, – спокойно произнесла она, легким движением руки поправляя прическу.

Дима снова поймал ее взгляд и невольно погрузился в бесконечную бездну чувств, которые неожиданно рождались в глубине его души каждый раз, когда он внимательно разглядывал ее лицо. Лена широко улыбнулась, догадываясь о том, что он в очередной раз попал в сети ее пленяющего обаяния. Дима не мог оторвать взгляда от ее выразительных глаз, нежной, как бархат кожи, утонченного изгиба шеи. Удивительно,

как весь этот океан очарования околдовал его. Обычно такой практичный и сосредоточенный, он растерялся. Обычно такой разговорчивый – подле нее он становился молчаливым.

Внезапно заиграла новая мелодия. Хотя эту музыку с большой натяжкой можно было бы назвать мелодичной. Скорее она напоминала разрозненные звуки, наложенные на безумный ударный аккомпанемент.

– Пойдем же! – Лена взяла его за руку и увлекла за собой к танцполу.

Дима был явно не готов к такому непростому испытанию. Музыка и танцами он раньше серьезно не занимался, и поэтому его движения часто не попадали в ритм и иногда выглядели нелепо. И все же он старался, как мог. Так они и протанцевали две-три быстрые песни. Вскоре танец был завершен, они снова присели за столик, и в порыве жажды прильнули к бокалам с апельсиновым соком.

– Видишь, все же, как у нас много общего. Я тоже очень люблю апельсиновый, а еще яблочный и вишневый, – сказала Лена, пытаясь отдышаться от активного танца, и отвлекла Диму от грустных мыслей о своем слегка неудавшемся танце.

В этот момент, на удивление, заиграла романтическая музыка, и к Лене неожиданно подошел вульгарно выглядящий культурист, словно с набитыми ватой плечами и грудью. Рост его был едва ли больше, чем у Лены, из-за этого его комплекция больше походила на шкафообразную, его майка была как будто специально куплена на размер меньше и обле-

гала так, что на его теле был виден каждый накаченный кубик. Черная бандана делала его образ еще более колоритным и одновременно с этим, нахальным и грубоватым.

– Интересно, свою пятую точку он тоже накачивал стероидами? – подумал Дима, но естественно из тактичности решил не озвучивать свое подозрение.

– Танцуете? – спросил здоровяк. В его речи отчетливо чувствовался восточный акцент.

Елена воспитанно перевела взгляд на Диму, как бы спрашивая его разрешения.

Дима уже был готов отказать, но вежливый жест Лены дезориентировал и разоружил его, он невольно кивнул головой, и ровно в тот же миг его захлестнули волны смешанных чувств, доминанту в которых захватывало то льстившее его самолюбию осознание того, что именно он был единственным спутником этой прекрасной девушки, то порывы безудержной ревности, разрывавшие на части его еще не закаленное в любовных интригах сердце.

Следующие шесть минут стали самыми тяжелыми для него за последние годы. Согласившись пойти на дискотеку, он представлял именно такой танец с Еленой. Трогательная и мелодичная музыка, их объятия, грациозные движения. Он представлял, как будет держать ее в своих руках, созерцать ее кокетливые глаза, читать в них ее желание быть ближе к нему. И вот, все эти грезы рассыпались на его глазах буквально с каждым ритмом их танца, мужчина прижимал ее все

сильнее. Танцевать хорошо он тоже не умел, но в эти медленные ритмы могла бы попасть даже обезьяна, и самым ужасным было то, что рядом с Леной каждый мужчина выглядел принцем. Дима сидел всего в нескольких метрах от них, оставаясь зрителем на этом недоступном танцполе. Она была так увлечена танцем, что даже не смотрела на него, и пальцы на его правой руке бесконтрольно, инстинктивно сжались в кулак. Дима застыл в этой позе, его глаза, не моргая, смотрели на танцующую пару, губы сами собой поджались. Разнотипные чувства разрывали его на части. Разочарование, обида, злость боролись с неприязнью и апатией. Каждая секунда их танца затягивалась на час. Он несколько раз порывался встать, но тут же садился вновь. Было бесконечно тяжело чувствовать себя изгоем на этом празднике жизни. Спустя целую вечность это омерзительное для него действие подошло к концу. Лена попыталась отойти, но культурист притянул ее к себе сильной рукой и попытался поцеловать. Она увильнула, и поцелуй пришелся на ее щеку. Дима закрыл глаза, его душа скорчилась от страшной боли, а склоненное лицо застыло в пасмурном унынии. Наконец Лена вырвалась из объятий мужчины.

Она присела рядом с Димой, не проронив ни слова, выпила остатки сока и посмотрела на него. Его глаза заметно погрустнели и наполнились омутом печали.

– Следующий танец – наш! – попыталась взбодрить его Лена.

Дима промолчал и лишь снова опустил глаза.

– Ну что ты обижаешься... это обычный танец, – она несколько раз кокетливо моргнула.

– Я не хочу больше танцевать! Я совсем забыл, сегодня вечером у меня важная встреча.

Он церемонно встал, вытащив из кармана пиджака телефон и, протяжно вздохнув, направился к выходу. Мысли его ползли без связи, а сердце несмолкаемыми усиливающимися ударами так и норовило выпрыгнуть наружу.

Напрасно люди считают, что женщины более чувственные создания, чем мужчины. Дима входил как раз в это редко встречающееся количество молодых людей, которые все принимали близко к сердцу. Они могут не показывать это внешне, они не кричат, не плачут, не бьют тарелок, а просто замыкаются в себе. В глубине души их боль ничуть не меньше той, что испытывают женщины при обидах.

Лена не стала преследовать его и дала ему выйти на свежий воздух, полагая, что он охладится и через некоторое время вернется к ней.

Этого не случилось. Через пять минут она выбежала на улицу. Димы не было. Она огляделась вокруг и, прислонив руку ко рту, опечаленно опустила голову.

Ветренный день рождал волнение. Лена лежала, укутавшись в теплое одеяло. В эту новую квартиру на окраине Москвы они переехали не так давно, и пусть добираться отсюда до работы было намного дольше, очевидные плюсы нового дома все же затмевали неизбежные неудобства.

Москва столкнулась с проблемой перенаселения: количество граждан по всей стране почти не росло, при этом число жителей столицы продолжало увеличиваться в арифметической прогрессии. Но разве могло быть иначе? Вся экономическая активность сосредоточилась в больших городах. Только здесь можно было получить хорошее образование, вожделенные высокооплачиваемые рабочие места и хотя бы приблизиться к грезам о получении собственного комфортного жилья. Впрочем, рассчитывать в Москве можно было только на себя: правительственные программы по обеспечению жильем, нареченные народом юмористической программой десятилетия, обычно сводились к выдаче кредитов, выплачивать проценты, по которым людям приходилось почти всю оставшуюся жизнь, а некоторым даже и после ее завершения. Центр Москвы уверенно и неизбежно превращался в «анклав мультимиллионеров». Здесь шла скрытая, а иногда даже и открытая война за квадратные метры. Ничто не могло остановить строительные компании, жадных до

получения элитных метров и они прибегали к любимым мерам для того, чтобы «выдавить» коренных жителей из своих квартир. Остаться же в своем районе бывшим жителям было почти невозможно. На месте их старых домов возводили дворцы, предназначенные для людей совсем иного достатка. Жителям старых пятиэтажных трущоб доставалось еще больше. Их ждала участь потери статуса жителя столицы. Сначала при переселении им предлагались квартиры в самых отдаленных, часто производственных районах города, а когда исчерпались и эти возможности, их стали переселять в другие города, заставляя их привыкать к новой реальности своего скудного существования. На изломе тысячелетия Москва начала необратимое преобразование: городские власти недвусмысленно намекали на то, что в столице должны остаться только люди с высоким социальным статусом и уровнем доходов. Элитные жилые комплексы обрастали высокими заборами, клубами «для своих», частными охранными структурами, все больше походившие на группировки армейских частей. Вершить общественный суд в столице стали статусные атрибуты: спецсигналы, машины сопровождения, бронированные лимузины, приближенность к высшим властным кругам – только это реально определяло положение человека в обществе. Пали последние оплоты культурных ценностей: телевидение эффективно одурманивало народ бесконечными развлекательными передачами, кинематограф воспевал удаль криминальных авторитетов, школы и

институты до неприличия снизили планку образовательного уровня, родители в бесконечной погоне за “золотым тельцом” все меньше уделяли времени воспитанию детей. Ни мэр, ни правительство на самом деле больше не управляли городом, им управляли деньги, жадность и алчность. Москву разъедало чудовищное социальное расслоение, рождающее в одних кругах – озлобленность и жажду справедливости, в других желание отгородиться заборами и не видеть ничего кроме собственного носа. Подобная, даже еще более ужасающая и душераздирающая картина, ежедневно представала перед глазами девятилетней Лены: неподалеку от их старой пятиэтажки находился детский дом и каждый день ее взору открывался один и тот же оживленный жизнью кошмарный сон – брошенные родителями дети смотрели сквозь железные прутья, умоляя забрать их к себе домой, но почти никто не подходил к забору, люди старались отвернуться, впадали в напускную задумчивость, лишь бы не обратить взор на страждущих до хотя бы капли внимания маленьких детишек.

Лене не спалось, она почувствовала досадную ломоту в ногах и, оперевшись рукой о подушку, перевернулась на другой бок. Обычно в эти ранние часы, она все еще пребывала в состоянии самозабвенной дремоты, но сегодня ее почему-то прервали воспоминания из детства и, что оказалось весьма не радужным, о первых ссорах с родителями.

В отличии от мальчиков, мотивами к ссорам у которых

чаще всего становятся непристойное поведение или вредные привычки, первые ссоры девушек обычно случаются на почве неугодных знакомств с противоположным полом. Переломный период знаменовался ее встречей с Егором. Это была та настоящая, хотя, как это часто и бывает, беззаветная и бессмысленная любовь. Та любовь, которую испытывает девушка, поддавшаяся влиянию мимолетных чувств. Это детское, еще не обрамленное в законченную эмоциональную форму, вожделение овладело ею, и она, словно потеряв голову, впервые окунулась в этот загадочный и полный опасности океан, именуемый влюбленностью. Ее детские грезы и самые сокровенные мечты начинали сбываться.

Впрочем, как это обычно и происходит в подобных жизненных ситуациях, родители Лены совсем не спешили одобрить этот кажущийся им таким нелепым и абсурдным, союз. Мать и отец смотрели на Егора совсем иными глазами, глазами полными трезвости и холодного расчета. Егор был совершенно не готов к каким-либо серьезным отношениям с их дочерью, слишком развязано общался и не имел хоть сколько-нибудь серьезной цели в жизни. Для ее родителей он был настоящим олицетворением бесперспективности выбора и туманного будущего. И, нужно признать, для этого у них было предостаточно оснований. Именно желанием еще больше понравиться Егору, Лена и оправдывала появление на своем животе ужасной, уродующей ее пупок сережки. От одной только мысли о том, как было больно прокалывать

такую нежную и чувствительную кожу, у ее матери Галины Васильевны Черновой щемило в груди. Однако спустя годы кольцо все равно продолжало «красоваться» на ее животе. Мама, не имевшая сил бороться с аргументами дочери о том, что, сняв украшение у нее навсегда останется некрасивый шрам, со временем сдалась и вспоминала об этом дне лишь в ванной, где она иногда встречалась с дочерью, только вышедшей из душевой.

Пагубным влиянием Егора подогревались и другие страсти. Лена стала покуривать и прятать на балконе сигареты; все чаще задерживалась из школы, сначала до восьми, затем до девяти и даже одиннадцати часов. Домашние задания были заброшены, оплаченные на квартал вперед спортивные секции игнорировались, а все интересы сместились в сторону совместных поездок по ночным клубам и увеселительным мероприятиям. Ситуация накалялась до предела, родители Лены чувствовали, что негативное воздействие Егора начинает слишком сильно проникать в ее душу. Вспоминая свое собственное детство, они прекрасно осознавали, насколько сильно влияние первого возлюбленного на сердце и сознание, по сути все еще детской неокрепшей психики. Лена же, напротив, вспоминала те годы с особым трепетанием душевных ноток. То, в чем родители видели пошлость и безвкусицу, ей казалось адекватным ответом на закоренелые и опостылевшие ей правила. То, в чем родители усматривали злой умысел двадцатидвухлетнего Егора, ей представлялось

самым нежным и добрым чувством, которое не испытывал к ней ранее еще ни один молодой человек. Ее влечение к Егору никак нельзя было назвать простецким, за ним таилось весьма четкое и недвусмысленное желание душевного бунтарства, скрывавшего за собой еще более глубинную проблему взаимоотношений родителей и детей – желание стать самостоятельной, желание выбраться из порочного круга постоянной опеки. Отец и мать усматривали в подобном одностороннем влечении их дочери что-то неразумное и абсурдное, подобно тому, как абсурдно и лишено смысла хлопанье одной рукой.

Вспоминая, как серьезно она менялась в те месяцы знакомства с Егором, Лена и сама не могла не удивляться той силе и тому влиянию, которому поддавалась она тогда. Компании, в которых они общались, новые люди, знакомства и бесконечная череда оторванных от учебы и самосовершенствования занятий с каждым днем делали ее все более, как говорил отец “несносной, вульгарной и порочной”. Все усилия, которые тратили родители, чтобы оторвать ее от Егора оказывались тщетными и приводили лишь к все более ожесточенным и дерзким с ее стороны ссорам. Она побунтарски уходила из дома и грубила, подражая своим новым знакомым. Моментом завершения этого безумия оказался день, когда Егор, чего в общем-то и следовало ожидать, заявил, что больше не хочет иметь с нею ничего общего. Известие об этом стало для Лены настоящим ударом, который только

может почувствовать еще не окрепшее в любовных интригах молодое женское сердце. Она не находила себе места, металась из угла в угол, подобно загнанной охотниками тигрице. Весь тот мир, который поддерживал в ней тягу и страсть к жизни внезапно рухнул и, упав с небес, она снова оказалась на брэнной земле со всей ее серостью, будничностью и скукой. Родители как могли утешали ее, старались занять чем-то, пытались поговорить с нею, дав возможность выговориться, но ничто не могло залить пылающий огонь ее печали, чувства одиночества и подавленности.

Лишь через несколько недель, к нескрываемой радости родителей, Лена все таки вернулась к своей размеренной жизни. Мечты о Егоре со временем трансформировались в мечты обычной молодой девушки о принце на белом коне. Ее снова начали интересовать, пусть и недоступные, но так манящие своей популярностью знаменитости. На ее столе опять появились гляцевые журналы, подаренные ей подружками, а на стене вырезанные плакаты с обликами все новых и новых кумиров. Как и любой другой девушке ей хотелось быть рядом с теми, кто заслужил признание и был широко известен. Не то, чтобы она думала, что они идеальные сами по себе, скорее просто ее девичья интуиция подсказывала ей, что знаменитой и успешной самой можно стать лишь тогда, когда общаешься с подобными популярными и узнаваемыми людьми. Впрочем, увещевания Галины Васильевны не проходили даром, и после ее рассказов о том, какая грязь

и непристойность царят в подобном обществе, Лена все же прятала мысли о мире, в котором жили ее кумиры, и возвращалась к своей обычной, пусть серой, но все же реальной, а не вымышленной действительности.

Рядом с ней появился новый друг, не без труда выпрошенный на день рождения, щенок породистой немецкой овчарки. Альме было всего несколько месяцев: кончики купированных ушек неуклюже клонились вниз, шерстка еще не успела обрести взрослую упругость, а несносные забавы во время тренировок обнажали младенческий шаловливый характер. И все же занятия со своим новым питомцем приносили ощутимые плоды. Лена получила такую нужную для самосовершенствования возможность посмотреть на себя со стороны, увидеть как иногда бывает сложно заниматься воспитанием непокорного и ретивого ребенка. Характер Альмы на удивление оказался почти прототипом ее собственного, и продолжительные занятия со щенком вскоре позволили ей узреть свое отражение, что не могло не сказаться на положительных изменениях ее собственной натуры.

Лена снова заинтересовалась привлекающими ее ранее предметами в школе: литературой, в которой она черпала для себя новые знания и душевное умиротворение от умных мыслей великих людей, русскому языку, к которому у нее, безусловно, были особые способности, биологии, книжки по которой всегда находились на почетном месте ее стола. Страсть к исследованию животного мира и самого главного

существа в нем – человека, не оставляла ее даже в самые трудные минуты ее смятения и страданий. Желание разобраться в строении организмов и поиски путей его совершенствования и лечения были настолько сильными, что она с полной серьезностью мечтала продолжить свое обучение в медицинском институте. Рвение помогать людям бороться с их болезнями и тяготами, начало зарождаться в ней еще в глубоком детстве и в отличие от всех своих подруг, набор игрушечных медицинских инструментов был для нее больше простой забавы.

Обратившись к воспоминаниям из своей юности, Лена взбодрилась и на ее устах засияла солнечная улыбка. Эти воспоминания пронеслись в ее сознании так быстро, что она едва могла отличить: был ли это сон или обычные размышления. В этот день нежно-розовый туман ее романтических снов разрушился на полчаса раньше, чем было необходимо. Она представила себе как снова спешно собирается на работу, толкается в транспорте, запыхавшись, прибегает на работу, весь день до шести вечера будет монотонно и скучно ударять по клавишам, отвечать на опостылевшие звонки, как придя домой снова ощутит почти обморочное изнеможенье, поужинав и приняв душ, вновь будет тщетно пытаться заснуть, ведь соседка снова включит на полную мощность безумную музыку и остановить ее, как всегда, сможет лишь «анонимный» звонок по телефону с угрозой пожаловаться в милицию.

И все же спустя несколько минут ей удалось взять остаток воли в кулак, а вскоре и перспектива продолжать дремать дальше показалась ей бессмысленной. «Перед смертью все равно не надышишься» – подумала она, удивившись странному сравнению своей работы со смертью, начала лениво одеваться, помаргивая веками от света, исходившего от включенной люстры. Длинные волосы путались в пальцах и расческе, и никак не хотели слушаться, точно так же, как и сознание до сих пор продолжало борьбу за каждую секунду сладостного сна, который более уже не имел шансов на продолжение. Отодвинув створку шкафа и пристально вглядываясь в зеркало, она принялась приводить себя в порядок после не долгой и к тому же беспокойной ночи. Большие карие глаза снова, как впрочем и всегда по утрам во время легкого макияжа, заставили ее задуматься о сотворивших их капризах природы.

«Такие большие и такие карие» – в очередной раз с сожалением подумала она, пристально вглядываясь в зеркало и оформляя брови. Ее столь же сильно радовал их размер, сколь и печалил их грустный оттенок. Ее мечте о голубых глазах не суждено было осуществиться. Хотя ее стараниям и упорству поменять цвет глаз, без преувеличения, можно было бы позавидовать. Ее последний эксперимент с тончайшими голубыми линзами до глубины души удивил даже подруг и родителей: не многие могли отважиться на мучения по использованию линз при хорошем зрении. Очень скоро

эти постоянные закапывания в глаза специальными каплями и промывка линз по три раза на дню наскучили Лене, вследствие чего маленькая бежевая коробочка с принадлежностями была заброшена в дальний угол ящика ее прикроватной тумбочки.

Другая весьма редкая особенность ее облика, напротив, в очередной раз заметно подняла ей настроение: она провела ладошкой по идеальному, очень женственному изгибу своих скул и шеи, всмотрелась в длинные и густые ресницы и, восторгаясь своей привлекательной внешностью, и прекрасным, притягательным темным цветом бархатной кожи. Лицо – визитная карточка любой женщины, без всякой доли сомнения было ее козырной картой, не раз на деле доказывающей ей свое превосходство перед соперницами.

Тяга к проявлению своей эффектности и желание получить все больше побед в любовных сражениях с каждым годом захлестывали ее все сильнее. Впрочем, как раз это не было какой-то особой, присущей только ей чертой. В возрасте двадцати пяти лет почти каждая девушка непрестанно мечтает о завоевании принца своего сердца, и у нее, без всякого сомнения, конечно же были для этого все необходимые средства, возможности и секретные приемы. Семья была для нее той самой сокровенной мечтой, которую она в тайне хранила в глубине своего сердца. Однако представления эти не были до конца конкретизированными, облаченными в какую-то конкретную форму и содержание. Скорее ей хотелось про-

сто иметь весь этот антураж предвкушения и пребывания в браке; ей чудились приятные хлопоты по выбору свадебного платья, заказа романтического путешествия, проведение медового месяца в отдаленном райском уголке на краю земли между лазурным океаном, мельчайшим песком и ослепляющим своей синевой небом. Во всей этой волшебной, рисуемой ее романтической душой, картинке не было лишь одного важного элемента. Мысли о ребенке хотя и грели ей душу, все же пугали своей неизведанностью, страхами перед осложнениями во время беременности, возможными тяжелыми родами и последующими бессонными ночами. Одна из ее подруг совсем недавно рассказывала ей о всех тяготах совмещения воспитания ребенка с обязанностями по дому, и это красочное, снабженное многочисленными пикантностями повествование, не могло не отложить в глубине ее души чувство тяготы и смятения. Одна только мысль о том, что из самодостаточной деловой девушки она превратится в домохозяйку, готовящую овсяную кашу и щи, заставляли нервно подергиваться ее пальцы.

Перспектива сойти с карьерного забега в только начинающейся новой дистанции казалась ей нелепой и неразумной, как бы не была сильна в ней столь свойственная ей лень. К тому же подруга не раз говорила ей, что выброшенные из служебной биографии годы ухода за ребенком обязательно скажутся на ее квалификации, и шансы вернуться и уж тем более быстро продвинуться дальше после возвращения

представлялись ей более чем призрачными. Думая об этом, она все чаще приходила к мысли о том, что в воспитании детей должны помогать родственники, и мысли об этом приносили ей так нужное в эти минуты спокойствие и хотя бы временную уверенность в успешности семейного предприятия.

Мысли, то и дело сновавшие в ее голове, отвлекали от монотонного ежедневного косметического моциона, она и не успела заметить, как все приготовления к новому рабочему дню были уже сделаны. Из-за необходимости рано вставать, ей все приходилось делать с вечера – таково дьявольское наказание «сове», обреченной быть «жаворонком». Половина седьмого утра – маленький «судный час», точка невозвращения – стоит дать себе хотя бы секундную слабину, и вот ты уже теряешься в нескончаемом порочном лабиринте – веки снова начинают слипаться, тело приобретает ночную тяжесть, сознание снова норовит упасть в сладостную сонную дремоту. Обходя разбросанную в коридоре обувь, она снова побрела в ванную и, оперевшись о холодный фаянс, для бодрости дважды ополоснула лицо ледяной водой: веки ее встрепенулись, глаза сфокусировались, тело вздрогнуло.

Быстро позавтракав воздушным творожком, бутербродом и чашкой зеленого чая, она спешно набросила на себя заранее развешанную на стуле одежду, и почти моментально собрав необходимые вещи в черную кожаную сумку, выбежала из дома. Родители уходили намного раньше нее и посему они почти не встречались по утрам.

В эти минуты все живущие в этом отдаленном районе девушки каждый день вынуждены делать один и тот же выбор: потратить побольше времени на ароматный кофе и макияж, или все же сесть в свободный автобус или маршрутку и без давки добраться до работы. Лена была довольно прагматичной девушкой и почти всегда выбирала второй вариант.

Спустя четыре дня. В здании “Столичных известий”.

В редакции уже всюду кипела работа. С девяти до одиннадцати часов, как правило, все журналисты были обязаны предоставлять свои материалы для очередных выпусков. У кабинета главного редактора столпилась очередь. Дима, уже успевший одним из первых сдать материалы в верстку, поставил компьютер в режим очистки дисков. Отложив дела и, позволив себе пятиминутную паузу для того, чтобы сделать глазную гимнастику, он огляделся вокруг. В правом углу стола, на почетном месте лежали две старые, уже порядком потрепанные временем книги, одни из самых горячо любимых им романов «Три мушкетера» и «Граф Монте Кристо». С самого детства он зачитывался этими чарующими его воображение приключениями, однако в отличии, от своих ровесников, увлекающихся лишь сценами драк и сражений, Диму больше интересовали другие рисуемые пером великого автора этюды. Он был очарован самой жизнью героев, их учтивостью, умением держать себя, их кротостью и самоотверженностью.

Его собственный материал уже вечером будет в газете, а следующим утром во всех городских киосках. За последнее время он написал очень много статей, проштудировал

огромное количество журналов и книг, и сейчас пришло время «причесать двор и разгрести упавшие на газон листья». Винчестер стоящего рядом компьютера послушно шуршал, выполняя свою кропотливую работу, монитор переключился в энергосберегающий режим.

Дима взял лежавший на столе телефон.

– Почистим и здесь, – прошептал он, – пропущенные вызовы, исходящие сообщения, отчеты о доставке ...

Неожиданно пролистывая экран, он натолкнулся на номер рабочего телефона Лены. Дима несколько раз пытался набрать ее номер и столько же раз отменял вызов. Ему, как всегда, было очень сложно забыть пережитые обиды. Впрочем, он также несколько раз порывался написать электронное письмо, однако, сложить все, что он чувствовал в странные предложения было в сто крат сложнее. Поэтому он не делал ни того, ни другого. Как часто говорил он сам себе: «Помни самое лучшее», «Запоминай самое доброе», и каждый раз эти простые психологические установки никак не получалось воплотить в жизнь. Он был не в силах ничего с собой поделать. Не в силах бороться со своим естеством. Как часто бы он не думал о причинах такой болезненной реакции на обиды, каждый раз приходил к выводу о том, что эти инстинкты заложены очень глубоко в его душу, подобно тому, как закладываются в детстве в организм человека первичные инстинкты. В очередной раз ему, такому привычному к волевым, ответственным решениям не хватало сил, чтобы на-

чать примирение первым.

Рабочий день тянулся мучительно долго. Время как будто специально растягивалось, таким образом, экзаменуя сотрудников на их стойкость к труду во имя корпорации.

Дима задернул шторы, чтобы спастись от палящих лучей солнца. Подойдя к кондиционеру, он включил его на полную мощность и передвинул направление его потока от себя подальше. Простудиться в такую теплую погоду было бы весьма нелепо.

– Эй, гениальный писатель! Ты что это там застыл как памятник? – послышался слегка хриловатый голос сзади.

Дима быстро узнал тембр голоса друга.

– Задумался, дружище, ты же знаешь, со мной такое частенько бывает.

– Наверное, новый эпизод любовного романа? Шедевр, который, увы, никогда не суждено увидеть широким народным массам?

– Кто знает... Кто знает... под лежащий камень вода не течет. Главное не упустить шанс, который дает тебе судьба, вовремя рассмотреть его, – Дима обернулся и посмотрел на своего друга.

Илья был симпатичным, добродушным, но застенчивым с незнакомыми ему людьми молодым человеком: элегантная прическа, аккуратный аристократический нос, острый подбородок. Жаль, что его волевой вид совсем не соответствовал его темпераменту. С виду он производил впечатление

уверенного в себе человека, однако на поверку, при первом же диалоге обнаруживалось, что в нем нет ни одной капли твердости. Он часто невпопад употреблял научные фразы, что периодически делало его смешным в компании друзей. Его собственная же скромная улыбка чаще всего сводилась к незатейливому вскидыванию бровей, что, впрочем, выглядело со стороны вполне мило и безобидно. Рабочие будни Ильи тянулись нескончаемой чередой служебных поручений в заботах о поиске нового материала для очередного выпуска издания. В любви он был не то чтобы несчастен, скорее просто неудачлив; ведь как бы сильно мы не хотели чего-либо в жизни, уж слишком многое порой и правда зависит от случайного стечения обстоятельств. Его первая девушка была несколько старше его и хотя смогла многому его обучить было очевидно, что подобному союзу само провидение не могло отпустить большого срока. Вторая – раздражала его постоянными рассказами о своих бывших молодых людях, в подробностях описывая даже интимные детали, третья – была, напротив, чересчур молода, ветрена и непостоянна, застукав ее однажды с другим мужчиной, Илья в тот же день бросил ее, до сих пор воскрешая в памяти недобрыми словами. Черeda следовавших за ними подруг сердца тоже не оставляла ему ни малейшей возможности остановить свой выбор на ком-либо: одна слишком далеко жила, другая, по его мнению, так и не смогла овладеть искусством поцелуя, и он до сих пор вспоминал о том, как при этом божествен-

ном прикосновении его нижняя губа встречалась с ее зубами. Был у него и недолгий роман с молодой секретаршей, проходившей практику в их департаменте. Она была миловидна, длинные волосы и шикарный для ее возраста бюст разительно выделяли ее из толпы, иногда ему даже казалось, что никаких других женщин ему не надобно, однако, вскоре ее практика закончилась, а с нею ушла и любовь, которую Илья только начинал чувствовать. Номера телефона она не оставила и ему пришлось объяснить ее поступок лишь нежеланием продолжать отношения, и только одна мысль никак не давала ему покоя «Как же судьба могла посулить такое блаженство и затем притвориться, что вовсе ничего и не было...». В последнее время он немного сник от этого порочного конвейера чувств и все больше с головой уходил в работу. Впрочем, и она весьма редко отвечала ему взаимностью.

– Твоя беда в том, что ты боишься... – рассудительно заговорил Дима, посмотрев на него, поджав губы. – Пойди на риск, будь более уверенным в себе. Посмотри, как ты это делаешь, – Дима встал со стула и принял позу, которая была обычно характерна для Ильи. – Я, вот, здесь написал статью, мне кажется, она не очень то уж и хороша, но вдруг, кто знает, сгодится. Вот скажи мне, кто так предлагает свою работу? Больше вежливости и уверенности! Меньше слов паразитов. Смотри, как это нужно говорить. Дима снова встал и принял теперь уже комфортную для себя уверенную позу. – Здравствуйте! Не могли бы вы просмотреть мою статью? Мне ка-

жется, это вполне может стать вашим лучшим материалом. Чувствуешь разницу?

– Тебе легко рассуждать. Говорят, в завтрашнем выпуске даже твое фото у статьи разместят. Ты вот, весь цветешь и пахнешь, и все у тебя получается. К самым известным людям тебя направляют интервью брать.

– Так поэтому и направляют, что нужно уметь себя подать, – парировал Дима, окинув приятеля своим блестящим, сосредоточенным взглядом.

– Ну и как именно мне нужно держаться? – Илья с жеманной игривостью вновь принялся подражать ему. Выглядело это довольно смешно и нелепо, но Дима воздержался от комментариев, чтобы не задеть чувств друга.

– Ну, почти... почти.. уже лучше! – придав голосу живость, он похлопал Илью по плечу и добавил со свойственным ему умением доходчивого изложения своих мыслей. – И галстук... галстук купи подороже! Нельзя экономить на самом важном мужском атрибуте, после обуви, конечно.

Отойдя в сторонку и отчасти обидевшись на язвительное поучение Димы, Илья сел за стол и, взяв карандаш, принялся делать хаотичные штрихи на листке бумаги. С десяти лет он увлекся рисованием: сначала это были простейшие наброски, состоящие из толстых линий и сюрреалистических фигур, затем пейзажи, а потом и вовсе перешел на портреты, изображая своих любимых исторических персонажей: политиков, спортсменов, деятелей искусства. Работа над этими

зарисовками расслабляла его, и он мог проводить за этим занятием многие часы, часто засиживаясь до самой ночи.

В этот момент к ним и подошел Георгий Валентинович, исполнительный директор «Столичных известий». Илья ретировался к зеркалу, репетируя свою позу и речь. Однако, как бы он не силился побороть столь свойственную ему робость, получался у него все тот же фокстрот нелепости.

– Дмитрий! Неплохая работа в «Электронном мире». Поставим ссылку на твоё интервью с первой страницы. Думаю, правление решится подкинуть тебе ещё одну важную миссию. А пока... Где же твой обещанный квартальный отчет? У тебя сорок минут! – заявил он своим низким каменным голосом и быстрыми шагами направился дальше по коридору, даже не дав возможности, вставить слово.

– Смуглянский ... важная персона... Стоит только человеку получить назначение, как вместе с должностью приходят вечные спутники – заносчивость и гордыня, – прошептал Дима и, проводив директора взглядом, снова присел за свой компьютер. На экране появились иконки текстовых документов, где среди прочих особо выделялся один под названием «Для любовного романа», наброски его книги, которые он пока так и не решался никому показать. Самое страшное для любого автора – непризнание его книги. Можно перенести любую критику маленького рассказика, стихотворения, но нельзя перенести провал романа, которому ты отдал несколько лет своей жизни. До этого произведения в его

творческих закромах были лишь десятистраничные детские сказки и незавершенные фантастические приключения.

Неожиданно для себя он снова невольно втянулся в работу над романом и начал печатать:

«Эта встреча должна была стать последней для них. Они стояли чуть поодаль, их глаза непрерывно смотрели друг на друга, моргая так редко, что организм стал включать защитную реакцию, смачивать их слезами. Все смешалось. Любовь, боль, грусть, осознание неизбежности разлуки. Все это угнетало как никогда. Судьба иногда бывает так жестока к людям. Мужчина и женщина, которые были так близки, вынуждены расходиться навсегда. Они разрывают последние тоненькие нити, которые связывали их когда-то. Отрывают умершие частички своего собственного сердца, которые никогда больше не смогут склеить»

Тем временем в компании “Электронный мир”

Блестящие, полированные двери лифта издали глухой звук и плавно распахнулись. Привычный седьмой этаж встречал Лену бегающими коллегами, шумно общавшимися между собою. Перегородок на этаже почти не было, а если где и были, словно случайно забытые дизайнерами перекрытия, представляли они собой всего-навсего небольшое стеклянное ограждение с тонкими пластмассовыми жалюзи. Под потолком в самом центре зала гордо красовались голубые неоновые буквы, составляющие название компании. Рабочие столы здесь буквально ломились от различ-

ных электронных приборов. Это был самый настоящий полигон, изобилующий различными устройствами, начиная от обычных электронагревателей и заканчивая сложными беспроводными телефонными коммутаторами. Первым распоряжением при вступлении на должность Подгорный обязал переместить Департамент опытно-конструкторских разработок на свой этаж, чтобы иметь возможность ежедневно самостоятельно контролировать ход работ по новым проектам. Кабинет директора находился в самом конце этого зала и поэтому, чтобы добраться до своего рабочего места Лене каждый день приходилось пробираться сквозь нескончаемый лабиринт из оборудования и бегающих из угла в угол людей. Вот справа показался рослый, жилистый молодой человек, руководитель группы развития. Он как обычно сухо поприветствовал ее и тут же пробежал мимо, всем своим видом демонстрируя свою озабоченность какой-то важной производственной проблемой. Вскоре навстречу ей зачастили дамы, референты директоров департаментов с нижних этажей. «Наверное, снова завалили мой стол своими нескончаемыми служебными и докладными!» – отрывисто вздохнув, подумала про себя Лена. Все они виделись по несколько раз в день, но только одна из них, помощница главного бухгалтера Светлана – стала ей настоящей подругой. Поставив свою сумочку рядом с креслом и быстрым движением включив компьютер, Лена заторопилась в дамскую комнату, где уже по обыкновению столпились у зеркала ее мно-

гочисленные коллеги. Мужчины обычно любят говорить о том, что в действиях женщины нет логики. Но происходившее здесь в этот момент как раз в пух и прах рушило эту теорию. С самого первого дня, как Подгорный стал директором, входные двери оснастили детекторами времени прихода и ухода сотрудников и, конечно же, все женщины сразу же смекнули, что вход через проходную еще не обязательно означает начало работы и сразу же устремлялись заниматься прихорашиванием своего внешнего облика. Седьмой этаж пользовался особенным спросом, ведь именно здесь, в дамской комнате, было самое большое и удобное зеркало. Войдя внутрь, Лена увидела привычное зрелище. Буквально повсюду сновали без умолку тараторящие дамы, причем говорили они во весь голос, совсем не стесняясь неприятной звонкости и громкости. На подставку под зеркалом ими было вывалено огромное количество пакетиков, бутылочек и всяческих тюбиков, кто-то даже захватил фен и средства для укладки. Запоздавшая уборщица, едва вошедшая в комнату, в тот же самый миг была зверски обругана секретаршей директора производственного департамента, и та с обиженным бурчаньем поспешила побыстрее удалиться. Закончив свой моцион по укладке, спустя несколько минут удалилась и сама секретарша (утро ей определенно не шло: побледневшее, полное веснушек лицо немного опухло, ноздри ее то раздувались от недовольства, то снова сужались от непонимания, темно-желтые, почти оранжевые волосы стояли дыбом, как

бы сильно она не старалась уложить их. На рабочий день были настроены лишь проворные короткие ножки.

Лена осталась наедине со своей подругой.

– Вот мигера! – прошептала Лена.

На округлом лице Светланы заиграла улыбка, маленькие глазки забегали в игривом возбуждении, а тонкие губки тесно прижались друг к другу в заигрывающем стеснении. Всегда довольно просто, но весьма опрятно одетая, сегодня она было особенно хороша. Черные строгие туфли на высоком каблуке поднимали ее так высоко над землей, что со стороны казалось, что на такой высоте было бы безумно сложно даже устоять, не то, что целый день бегать по кабинетам. Темно-синее платье с довольно глубоким вырезом, который она имела обыкновение называть «вполне допустимым» заставляли многих оборачиваться при неожиданных встречах в коридорах. Белоснежную шею неизменно венчало агатовое ожерелье; в интимных беседах с Леной она как-то призналась, что ее коллекция этих украшений составляет почти двадцать экземпляров.

– На моего бывшего мужа похожа, – с тенью утренней усталости флегматично ответила Светлана, заканчивая последние штрихи своего макияжа.

С момента ее развода прошло уже почти три года, но она до сих пор продолжала олицетворять все плохое, имевшее место в этом мире с ее бывшим супругом. Их недолгий брак доказал, что привязанность к бутылке ее бывшего мужа ока-

залось гораздо сильнее, чем к ней самой. Рухнувший первый брак меняет женщину. Какой бы доброй, нежной и отзывчивой она не была, развод меняет абсолютно все: образ жизни, мысли, надежды и даже саму женскую душу. Какие бы установки не давала она себе, как бы не старалась не вешать ярлыков и не мазать все черным цветом, это неизбежно происходит. Подобно тому, как зима всегда неизбежно сменяет осень, женские надежды и мечты после первого развода больше никогда не смогут быть солнечными и жизнерадостными.

– Нельзя все время думать о плохом, Свет! – попыталась подбодрить ее Лена. Ты еще так молода, много чести, все время вспоминать его.

Светлана посмотрела на нее задумчивым взглядом, полным грусти и печали, было видно, как она в очередной раз пыталась сдерживать себя, чтобы не продолжать болезненную тему о своем бывшем супруге.

– Думаешь так просто забыть этого негодяя? Этого мерзкого пьяницу? Ты все отдаешь ему, работаешь не покладая рук, торопишься домой сделать ужин, а что он? Транжирит заработанные тобой деньги на эту заразу! Что я только с ним не делала, ничего не понимал. А на свиданиях все они такие галантные... Тфу... Противно... Видит бог все бы ему простила, кроме этой бутылки. Все стерпеть можно, только не алкоголика у себя дома. Дай бог, тебе такой не попадется! – в сердцах произнесла Светлана и, окинув быстрым взглядом

блестящие вишневым лаком ногти на правой руке, заторопилась к выходу.

Лена поправила воротник своей бежевой блузки и подошла к окну. Что-то было не так. На ее гладком лбу то появлялись то исчезали едва заметные морщинки, она постоянно покусывала нижнюю губу – и то и другое всегда выдавало ее возросшее нервное напряжение. Частые пушистые ресницы подались вверх, ее зрачки сузились и она бросила задумчивый, немного усталый взгляд в бесконечность. На столе в печальном одиночестве лежала визитка Димы, но не так то просто было вот так взять и позвонить ему.

– Я ничего такого не сделала. Уж слишком обидчивый, – без устали повторяла она про себя снова и снова.

Вскоре ей все же удалось найти выход из тяготившей ее душу ситуации, и он позволил ей хотя бы на некоторое время забыть о Диме. Открыв корпоративную почту, она принялась сортировать входящую корреспонденцию по специальным папкам. Назначенный ей к просмотру ящик с названием «Корпоративная почта» уже давно попал в многочисленные базы-данных и он, как в прочем и почти все остальные адреса в их компании, уже давно захлебывался от ненужных сообщений, подобно тому, как захлебывался от рекламных листовок доставки пиццы ее домашний почтовый ящик.

– Так... посмотрим... платные семинары ... наращивание волос ... курсы изучения иностранных языков... – Лена стала пачками удалять ненужные письма, как вдруг по селекто-

ру слышался голос начальника.

– Лена! Мне срочно нужен вчерашний факс из Екатеринбурга! – слышался голос директора, но Лена ушла в раздумья настолько глубокого, что не слышала его.

– Лена!?! – Подгорный вышел из кабинета и, подойдя ближе, встал против нее. Только лишь увидев его перед собой, она вздрогнула и вернулась в реальный мир.

– Да-да, Виктор Николаевич...

– Ты слышала, что я тебе сказал?

– Что-то про Екатеринбург, – потупив голову и выказав непривычную для нее робость, пробурчала Лена.

– Ты здесь или где? – Виктор Николаевич нахмурил брови и, подойдя к ее столу и увидев в ее руках визитку Димы, добавил: – Так... понятно... – личные отношения наслаиваются на рабочие?

– Нет, что вы, я...

– Вы встречаетесь? – спросил он с улыбкой и теперь уже принял расслабленную позу.

– Всего два раза...

– Два раза это уже не один. Люди не встречаются просто так два раза. Моя жена говорит: – Один раз совпадение, два раза – притяжение, три раза – зависимость.

Лена опустила глаза, ее взгляд снова упал на визитку Димы.

– У нас произошло недопонимание...

– Так это же хороший знак!

– Не знаю, чувствую, что у нас что-то не так. Мы не подходим друг другу.

– Никогда не поймешь этого, не узнав человека получше.

– Все это не так просто, как кажется на первый взгляд, Виктор Николаевич.

– Разве? Постоянно слышу эту чушь! – взорвался директор.

Лена смутилась от резкого комментария Подгорного и уставилась на него, всем своим видом показывая, что готова внимать его ожидаемому продолжению.

– Действительно думаешь, что это сложно? Ты начинаешь напоминать мне моего заместителя по продажам. У него все всегда сложно и трудно. Смотри!

Взяв визитку Дмитрия с ее стола, он снял трубку телефона и набрал заветные цифры.

– Дмитрий!?! Как поживаешь? Это Подгорный, Электронный мир... Да, мне тоже понравилось интервью. Я тебя немного по другому поводу беспокою. Понимаешь ли, моя Лена совсем отбилась от рук, сидит, тербит твою визитку, работа не ладится.

Лена покрылась красными пятнами от стыда и смущения и попыталась прикрыть лицо руками.

– Так вот, – продолжал Виктор Николаевич, – я был бы тебе очень благодарен, если бы вы уладили свои недосказанности, и Лена снова смогла бы вернуться к плодотворному труду... Ага... Вот и спасибо... Премного благодарен. Сей-

час передам ей трубку.

Директор отключил микрофон на трубке и, строго, но доброжелательно посмотрев на Лену, добавил:

– Сложно??? – лаконично, риторически спросил Виктор Николаевич.

Она кокетливо улыбнулась и мимолетным кивком поблагодарила начальника.

– То-то же... Доделаешь работу по региональным заказам и свободна на сегодня! – Виктор Николаевич жестом показал, чтобы она не заставляла Дмитрия ждать на линии, и стремительно ретировался в свой кабинет.

Этим же вечером они договорились о встрече.

Улица с миниатюрными малоэтажными домиками подсвечивалась лишь включенными сферическими лампами на фонарных столбах. Этот старинный квартал был излюбленным местом Дмитрия, почти буквально все здесь гармонировало с его мироощущением.

Легкий игривый дождик только что закончился, и асфальт покрылся темной, едва заметной водяной пленкой. Не имевшие ни трещинки, фасады зданий были ровно отштукатурены, и их гладкие стены от такой чистоты казались красочными иллюстрациями к старинным сказкам. Даже не присматриваясь к деталям этого монументального ансамбля, можно было с уверенностью сказать, что архитектурой этой улицы занимался влюбленный в этот квартал рачительный и заботливый хозяин. В миниатюрных клумбочках красовались,

словно хвалясь своей красотой на светском приеме, королевские туи. Их темно-зеленый наряд был так очарователен, что Дима не удержался и, подойдя к одной из них, плавно провел своей ладонью по их благородной шерстке. Он восхищался этими растениями и считал, что эти статные хвойные царицы были вполне достойны украшать собой любые новогодние празднования, наравне соперничая со своими вечными конкурентами – елями.

В этот момент Дима и заметил приближающуюся к нему Лену. За двадцать шагов она казалось ему божественной светловолосой нимфой, за десять – прекрасной принцессой со сверкающими от любви глазами, вскоре между ними остался лишь один шаг, но они продолжали хранить молчание. Через мгновение она положила руки на его плечи и заискивающе улыбнулась. Их губы приближались и, в конце концов, соприкоснулись в скромном, но очень трогательном поцелуе, от которого на лице ее в тот же миг разлилась краска смущения.

Что может быть более расслабляющим и сближающим девушку и молодого человека в моменты ссор и размолвок? Именно он и только он на самом деле притягивает сердца и связывает млеющие, словно от прекраснейшей музыки, души. Именно он рождает чувство трогательного сладострастия, раздувает гигантский костер сентиментальности всего от крошечной искры симпатии; словно зачаровывая влюбленных он обволакивает их каким-то незримым, но очень гу-

стым туманом нежности. Все это чары великого и чудодейственного волшебника, имя которому – поцелуй.

Ее правая рука, словно сама собой, потянулась к его пылающей щеке, а левая в темпераментном, но в то же время кротком порыве стала обвивать его шею; по ее белоснежному лицу разлилась краска, выдававшая ее участившееся сердцебиение. Поцелуй длился всего несколько мгновений, но казалось, что пролетела целая вечность.

– Неужто и в этом наши симпатии совпадают? – наконец сказала она, оглядев величественных вечнозеленых красавиц и улыбнувшись своим ласковым взглядом, посмотрела на него. На Лене красовались необычные своим багровым оттенком шелковые брюки и легкая розовая, облегающая ее манящую фигуру кофточка. Волосы ее были распущены и слегка развивались на ветру. К вечеру Дима тоже успел переодеться и облачиться в модную приталенную рубашку с короткими рукавами, поверху которой была накинута легкая коричневая ветровка.

– Ты права... – произнес Дима. – Обожаю этих зеленых цариц французских садов. Он сделал паузу, и красиво подбирая слова, запел своим любимицам еще более развернутые дифирамбы, попутно укоряя себя за никчемную поспешность в изложении того, что могло показаться ей совсем не интересным. Хочешь расскажу тебе о них побольше? Туи, – продолжал он, – вечнозеленые красавицы, своими плоскими побегами и чешуйчатой хвоей могут дать фору

любому другому растению в садах. Их ветки, словно гордясь своим аристократическим происхождением, величественно поднимают свои кончики к вершине, прижимаясь своей хвоей к стеблю. Они тянутся вверх, к солнцу, к свету, потому что сами хотят приносить радость и свет в этот мир, где они родились. При всем при этом, туя совсем не зазнайка. Она не так уж и требовательна и поему люди еще издавна с благодарностью высаживают ее, в том числе и в задымленных городских районах, делая изюминкой любого озеленения.

Лена внимательно, не перебивая, слушала Диму, периодически ловя себя на мысли о том, как ему удавалось иметь подобные энциклопедические знания почти по любым вопросам. И все же, несмотря ни на что, ей, конечно же, было приятно находиться рядом с таким талантливым, поэтичным и романтически настроенным молодым человеком, так искусно владевшим родным языком.

– Ты просто талант! – похвалила его Лена и уважительно закивала головой. – Если бы все журналисты могли так красиво излагать свои мысли.

– Вообще-то я еще и писатель, – с немного уязвленным чувством собственного достоинства, но, ничуть не обидевшись на нее, прибавил Дима.

– А-а-а, прости, я не знала. Мне кажется, сейчас абсолютно невозможно пробиться в книжную среду, все места под солнцем на полках уже давно заняты.

Она бы с удовольствием продолжила беседу о его дарова-

ниях, однако в глубине души она совсем не была уверена в его способностях. Двое из ее прежних молодых ухажеров тоже любили в разговоре похвалиться своими неординарными литературными способностями, только по первым же их любовным посланиям она сразу поняла, что их мечтам не суждено было осуществиться.

– Верно. Но ведь эти авторы тоже были молодыми. Когда-то и в них тоже не верили, и, высокомерно заявляя, что они не интересны, захлопывали перед ними двери, оставляя их в одиночестве со своей трагедией и крушением надежд, – настаивал Дима, которому, как и любому творческому человеку было очень тяжело слышать болезненное суждение, рубившее на корню первые, еще такие робкие шаги к исполнению своей заветной мечты. Ведь для того и существуют мечты, чтобы человек мог поверить в невозможное.

– Верно, – сухо ответила Лена, у которой в этот вечер совершенно не осталось сил на даже крошечный спор или аргументированную дискуссию. – Знаешь, если честно я сегодня так устала на работе, что мне хочется просто расслабиться и ни о чем не думать. Лена скользящим движением провела ладонью по своему лбу, затем виску и щеке. Она и впрямь выглядела уставшей. Ее глаза порядком утомились от напряженного чтения документов, и красные тоненькие прожилки нещадно выдавали ее скопившееся за день напряжение.

Где-то вдалеке, там на другом конце пустеющего на глазах бульвара, послышался, аккомпанированный нежными звука-

ми рояля, бархатный баритон; сойдясь в экстазе они повествовали о прекрасной, но неразделенной любви.

Дима огляделся вокруг и, заметив вдалеке мерцающую вывеску многозального кинотеатра, учтиво предложил ей последовать туда и выбрать любой понравившейся ей фильм.

– Что ж, тогда давай выберем что-то легкое и смешное, – предложил Дима, когда они уже приблизились к кассе.

Лена закивала головой и в тот же момент увидела анонс комедии, на которую она так давно хотела пойти с подругами, но так и не нашла времени осуществить это мероприятие.

Им повезло. Начало ближайшего сеанса должно было состояться с минуты на минуту.

Молоденький кассир, видимо подрабатывающий в кинотеатре студент старших курсов, в ярко-красной майке с символикой заведения, протянул им два белых билета из плотного картона и пожелал приятного просмотра.

Фильм, как и многие другие, гордо именуемые современными режиссерами, комедией, оказался весьма посредственным. Несмотря на это, Лена и Дима все равно прекрасно провели время, периодически подшучивая, и додумывая сцены там, где, по их мнению, у режиссера и сценариста не хватило полета фантазии. Там же, во время финальных титров они успели условиться в следующий выходной познакомиться с родителями. Дима, к полному удивлению для Лены, сделал это предложение сам. Данное обстоятельство не могло не ра-

довать ее. Ведь желание молодого человека познакомиться с семьей во все времена показывало серьезность намерений, что не могло не импонировать ей.

Проехав по опустевшим под покровом ночи московским дорогам, они быстро оказались у подъезда ее дома. Они сидели в машине и никак не могли расстаться. Эти немногочисленные, но полные внезапно вспыхнувшего романтизма, встречи успели очень сильно сблизить их, и позволили им найти гораздо больше общего, чем казалось на первый взгляд.

На улице заметно похолодало, и лобовое стекло машины начало запотевать. Лена изящным движением указательного пальца нарисовала большое сердце и две буквы «Д» и «Е» под ним. Она подвинулась ближе к Диме, который чувствовал себя немного неловко, делая вид, что внимательно следит за тем, не мешает ли их машина проезду по улице. Между тем, Лена протянула левую руку и снова обняла его за шею.

– Пожалуйста, будь ко мне поближе, – прошептала она, волнительно похлопывая своими длинными ресницами – это был замечательный вечер. Так хочется, чтобы он завершился также волшебным.

Наконец Дима все же набрался смелости, повернул к ней голову и следующие минуты заворочено рассматривал ее, ему казалось, что лицо ее источало какое-то особенное, заметное только ему и ощущавшееся всем его телом, сияние; только спустя несколько минут ему удалось вернуться с

небес на землю, и он прошептал:

– Это тебе спасибо! Ты сделала прекрасными эти минуты... этот день... этот месяц...

Она взяла его левую руку и потянула к своей груди.

– Никто не видит! Уже поздно! Я же вижу, куда ты смотришь, – улыбнулась Лена и направила его ладонь прямо к своему сердцу. Его рука пробралась сквозь блузку и оказалась на ее теплом теле. Лена сделала глубокой вздох и в умилении закрыла глаза. В этот момент сладострастного приближения и ощущения ее пылкого тела, он почувствовал себя тонущим в созвездии ее ароматов: едва уловимый пикантный запах духов, в романическом вальсе сливался с ее собственным благоуханием, словно тончайшей нитью исходящим от ее бархатистой кожи. – Приятно чувствовать тебя вот так близко, – нежно прошептала она и почувствовала, как Дима все сильнее наклоняется к ней. Подлокотника между сидениями в машине не было, и он мог почти приблизиться к ней всем своим телом, но Лена вовремя опомнилась.

– Стой, Стой, Стой, это в другой раз! Здесь неудобно.

– Да, конечно. Ты права, – встрепенулся Дима и снова выпрямился на своем сидении. – Уже поздно. Завтра тебе на работу.

– И тебе тоже...

– Думаю, сегодня мне не заснуть...

– Почему это? – Лена попыталась изобразить удивление, хотя в глубине души прекрасно понимала, о чем он.

– Буду думать о тебе. Знаешь, как не просто заснуть после свиданий с тобой, – Дима редко пускался в подобные чувственные откровения, но в этот мгновение у него словно произошло короткое замыкание. – Я не знаю, что происходит, но ты не выходишь у меня из головы. Ты ворвалась ко мне в душу и окопалась там. Я все время думаю о тебе. Твои духи, твоя одежда, твой голос – все это сводит меня с ума.

– Ты мне тоже очень нравишься, – заигрывающе поддержала Лена, проворно моргая своими манящими угольными ресницами.

– Спасибо!

– Мне пора, – Лена поправила кофточку и прихватив сумку с заднего сиденья, добавила – Значит, в субботу вечером жду тебя в гости.

– Да. Но если честно... я волнуюсь, мы совсем недавно познакомились... Все так быстро...

– Не волнуйся, все будет хорошо, – она нежно поцеловала его в щеку и дернула за ручку двери, но та не поддавалась. – Не хочешь отпустить меня?

– И я, и машина, – улыбнулся Дима – Нужно потянуть еще раз.

– А! – поняла Лена и, открыв дверцу, вышла из машины – Пока...

Но Дима все же не удержался и, стремительно открыв дверь, побежал за ней. Он еще раз крепко заключил ее в свои объятия и поцеловал так страстно, как никогда раньше. Их

губы слились в едином порыве, а руки заскользили по шее и щекам. Какая-то особенная томность разлилась по их лицам, сердца стали биться еще сильнее, разгоняя разгоряченную кровь по всему телу.

– Вот она любовь! – послышался сзади голос прохожего, нечаянно узревшего минуты сладостного свидания, и Лена с Димой в смущении отстранились друг от друга.

– До свидания... До следующего свидания! – прошептала она и зашла в подъезд.

Усталый после долгого и насыщенного дня, Дима легкой поступью устремился к машине. Пленяющий аромат ее духов, их жадные до изнеможения ласки, обжигающие своей страстью поцелуи, еще долго томили его сознание, доводя его до безумия, которое ощущает каждый человек открывавший для себя настоящую любовь.

Что за поразительная, невероятная штука – жизнь: иногда так хочется, чтобы она пролетала быстро-быстро... как реактивный самолет, не давая даже успеть осознать происходящее, а иногда хочется, чтобы плелась подобно крошечной улитке, так чтобы каждой секундой можно было бы наслаждаться годами.

Несколько дней спустя.

Дима вышел из здания, чтобы подышать свежим воздухом; обычно это всегда помогало ему расслабиться и восстановить душевные силы после напряженной работы. Где-то вдали слышался едва заметный голос никогда не спящего Садового кольца, но здесь в чудом сохранившихся после многочисленных перекраиваний центра города, переулочках старого Арбата было на удивление тихо, спокойно и умиротворенно: в ветках деревьев егозили, распушив перья крошечные воробьи, в разбитом неподалеку палисаднике, благоухая словно французская модница, вытянулась бархатистая будлея, окруженная десятком порхающих вокруг нее разноцветных бабочек. Спрятавшись за тенью небольшого бежевого грузовичка, взъерошенная дворняга, добродушно, словно с полудрема, поглядывала на него, не отрывая своей серой мордочки от асфальта.

Лишь одно обстоятельство не давало расслабиться и задышать полной грудью – невыносимая духота, и он, зажмурившись от яркого солнечного света и взвившейся от внезапного порыва ветра пыли, засучил рукава на своей рубашке и ослабил галстук. Казалось, что раскалившийся асфальт вот-вот начнет выделять невидимые пары, обжигая ноги прохожих, а

разбушевавшиеся солнечные лучи расплавлять краску автомобилей. Дима бросил взгляд в сторону недалеко припаркованной машины. Он обожал черный цвет и не мог себе представить другого оттенка для своего костюма, ботинок и автомобиля, хотя прекрасно понимал, что в такие дни транспортное средство превращается в дьявольскую микроволновую печь.

Рядом с их конторой всегда было оченьлюдно. Неподалеку находились два здания детских садов, открытая спортивная и детская площадка. Правление компании специально выбрало это место для своей штаб-квартиры, им так не хотелось, чтобы все вокруг было погружено в асфальт и заборы.

Внезапно он услышал чей-то плач совсем рядом с собой. Маленькая худенькая девочка в ситцевом платье горько заливалась слезами. Сердце Димы напряглось, и он с тревогой в душе подошел к маленькой девочке.

– Крошка, что случилось?

Девочка не отвечала и, даже не посмотрев на Диму, принялась плакать еще сильнее.

– Принцесса! Послушай меня, пожалуйста. Если ты перестанешь плакать, я попытаюсь помочь тебе, – он взял ее руки и прислонил к своей щеке.

Девочка стала успокаиваться, и теперь, приблизившись к ней, он смог рассмотреть ее получше. Длинные волнистые волосы беспорядочно высывались из-под маленькой синей шапочки с беленькими полосками. Маленькие ушки и

немного приподнятый вверх носик, выразительные брови, красные пухленькие губки, делали ее очень милой и забавной. Крошечные веснушки на щеках шли ей, как никому другому.

– У меня больше нет мамы... – вытирая крошечным розовым платочком глаза, проплакала девочка.

– Как нет? – с недоумением переспросил Дима и присел перед ней, чтобы быть поближе.

– Я маме не нужна, – снова заревела девочка.

– Стоп. Стоп. Стоп. Давай успокоимся, – Дима прижал ее поближе к себе и почувствовал, как девочка начала приходить в себя. Где же твои родители?

– Я им не нужна.

– Как это не нужна? Конечно же, нужна. Ты просто потерялась?

– Нет! Они меня наказали, и я ушла, – потупив взор, всхлипывая ответила девочка.

Дети были слабым местом Димы. Лицемерие их страданий было одним из самых страшных его кошмаров.

– Так, так, так... Давай сделаем глубокий вздох и затем досчитаем до десяти. Я буду здесь рядом с тобой и тоже посчитаю.

Девочка сделала глубокий вздох, но считать не стала.

– Раз, два... – начал Дима, но девочка, будто нарочно, продолжала молчать.

– Не хочу просто так считать...

– Зачем просто так... Давай считать ... животных. Кто тебе больше нравится?

– Кролики...

А-а-а... вот такие? – Дима скорчил смешную гримасу: сжал губы в трубочку, выпятил вперед два резца и съежил нос. Девочка все же рассмеялась, увидев его нелепую, но такую добрую пародию. Ее смех отозвался бальзамом на его душе, он прекрасно знал, что смех всегда имеет исцеляющее и успокаивающее действие на детскую психику.

– А тебе какие нравятся животные? – проявила так свойственное маленьким детям любопытство девочка.

– Мои любимые – тигры! – Дима сжал пальцы на двух руках, изображая хищника, и попытался спародировать, как тигр набрасывается на нее и кусает за шею.

Девочке стало щекотно, и она, съежившись и притянув плечо к уху, закатилась еще большим смехом.

В этот момент и появилась ее мама.

– Маньяки проклятые! – неожиданно закричала она и, взяв девочку за руку, быстрыми шагами увела ее прочь.

Дима обиженно и, чувствуя себя непонятым, потупил взгляд и прошептал:

– Интересно, почему мужчина, любящий детей, обязательно должен быть маньяком? Неужели подобные мужчины уже выродившийся вид?

Он сделал глубокий вздох и, поднявшись, зашагал обратно в редакцию.

Центр города постепенно пустел, работники и служащие торопились на машинах домой, выбирая незагруженные улицы по радио сводкам.

Этим вечером Дима подбирал подарки для родителей Елены. С подарком отцу затруднений не возникло; он без раздумья выбрал заколку для галстука с небольшим камушком в центре. С подарком для мамы все оказалось гораздо сложнее. Вскоре его внимание остановилось на милой взгляду восхитительной розовой бегонии в фиолетовом горшочке. Продавщица заботливо обвила подарок красной бархатной ленточкой, и с уверенностью в том, что подарок непременно понравится любой женщине, передала его Дмитрию.

Из долгих бесед с Леной он узнал, что ее родители работали в каком-то закрытом военном учреждении. Впрочем, для него это было не так важно. Главное, что из ее описания, он понял – люди они были хорошие и добрые.

Приобретя все необходимое для столь важной встречи, Дима заехал домой к родителям. В его новой квартире уже начался неспешный ремонт. Однако, желая почувствовать себя более самостоятельным, он все чаще ночевал именно там. «Пускай не все еще готово, но все же это моя первая собственная квартира и посему, отягощать родителей я более не должен» – рассуждал про себя он.

Зайдя в гостиную, он сел против отца. Мягкие деревянные стулья, узорно обитые плюшем, были очень комфортными, сама комната купалась в свете от огромной многоламповой люстры. На идеально отлакированном большом дубовом столе стояли три бокала и плоская ваза с фруктами. Где-то вдалеке едва заметно работал телевизор, и диктор неспешным голосом зачитывал последние статистические данные о демографической ситуации: «В прошлом году в России было зарегистрировано почти один миллион браков и более шестисот тысяч разводов...».

– Вот так вот, – вздохнув, произнес отец. – Ты представляешь, что это такое? Это же больше чем каждый второй.

Дима сидел молча, внимая словам отца.

– Вот до чего довел людей капитализм. Везде у нас теперь индивидуалисты. А в браке так нельзя. Всегда нужно уметь находить общий язык. Вот толи дело у нас во времена социализма. Что главное было? Правильно! Общество! А что ячейка общества? Семья! Вот и держались друг за друга. Да, были и ссоры и крики, но чтобы до развода – никогда. Сейчас каждый сам себе орел – чуть что не понравилось, сразу все – развод и девичья фамилия. Разве это семья? Знаешь, как это называется? Корпорация! Сделка! Ты мне – я тебе! Расписываем обязанности, брачный контракт, отдельный бюджет – вот тебе современная семья.

– И что же ты предлагаешь? – Дима откинулся на заднюю спинку стула и, закинув ногу на ногу, в задумчивости взялся

правой рукой за подбородок.

– Ничего я не предлагаю. Строй нынче такой. Это же система, в ней мы все винтики. Все запрограммировано. Единая система – это единый порядок, единый порядок – единые правила, единые правила – единое мировоззрение людей. Система диктует правила в сознании людей, в их взаимоотношениях! – назидательно покачивая указательным пальцем, молвил отец.

Дима одобрительно закивал головой. Он соглашался со многими мудрыми заключениями отца и очень уважал его мнение. Петр Иванович, прочитавший не одну сотню книг по социологии и психологии, не мыслил себе завершения ужина без философской беседы. Он не безосновательно считал, что это сплачивает семью, а заодно и позволяет обменяться мнениями в спорах, в которых, как известно, и рождается истина. Они еще долго сидели втроем за круглым столом. Мария Николаевна почти не вмешивалась в разговор, лишь изредка вставляла саркастические замечания, которые она так любила, и не мыслила любой спор без подобных прагматичных добавлений, разряжающих обстановку. Петр Иванович, напротив, как и любой мужчина, выражался всегда предельно конкретно и недвусмысленно. Кто видел его впервые за подобными беседами, в тот же момент начинал предполагать, что работал Петр Иванович, как минимум, лидером фракции парламентского большинства в Думе. Так сильно его волновали различные социальные язвы,

и так сильно он пытался найти идеальное лекарство для их исцеления. Однако скоро Дима и Мария Николаевна утомились продолжительной беседой о судьбе отчизны и стали поглядывать на часы.

– Благодарю за отличный ужин! – видя пересилившее членов его семьи утомление, отец поблагодарил супругу и, встав из-за стола, направился на лоджию.

– Что-то сегодня у него особенно философское настроение, – заявил Дима и с улыбкой посмотрел на мать.

– Вам позволительно философствовать! А вот нам... – она стала собирать посуду со стола, – философствовать некогда – нам тарелки убирай и дом в порядке содержи, – не держа зла, улыбнулась она и стала укладывать посуду на специальный поднос.

– Я, наверное, тоже пойду... – заторопился Дима.

– Оставайся! Чего тебе там одному делать. Еще ни ремонта, ничего...

– Да нет, мне не одиноко; еще нужно доделать по работе кое-что, глаза закроются и спать.

– Что ж, давай, до завтра! Смотри не засиживайся, – напутствовала мама, и Дима, попрощавшись с отцом, покинул родительский дом.

Тем временем, Лена тоже не могла уснуть. Мысли о Диме не давали ей покоя. Она то брала в руки телефон, набирая сообщение и затем, стирая его; то пыталась записать на бумаге какие-то свои мысли и тут же зачеркивала их. Лена чув-

ствовала необычайный прилив новых эмоций, так внезапно вспыхнувшей страсти. Ее воображение рисовало их романтические свидания, трогательные поцелуи и страстные Димины объятия, от которых у каждой девушки, без всякого сомнения, закружилась бы голова. Ее чувства вспыхнули из мельчайшей искры и разгорелись в громадный костер в ее душе. Прошло так мало времени, но ей казалось, что она уже не может жить без него и дня, представлялось, что слышит его голос, даже когда его не было рядом, чувствует запах его одеколона и, упоенная счастливой страстью, представляла его нежные прикосновения на своем теле. Казалось, счастье уже стучалось в окно и все, что было необходимо – это просто распахнуть форточку.

Дима с нетерпением ждал этого вечера. Обычно в своем большинстве молодые люди боятся и стараются избегать встреч с родителями девушки. Одним кажется, что будет не о чем говорить, у вторых прослеживается страх не понравиться, третьи и вовсе не строят хоть сколько-нибудь далеко идущих планов. Но все это было не про него. Дима впервые в жизни почувствовал, что в самом деле хочет разделить свою судьбу с одной, но очень особенной для него девушкой, и его воображение неустанно рисовало радужные пейзажи будущего: по-настоящему большая семья, карапузы бегают по огромному загородному дому, где находится место всем родственникам, его и ее родителям, бабушкам, дедушкам, в доме весело и царит взаимопонимание, забота и любовь. Ему так хотелось гармонии в семье. Он впервые почувствовал, что хочет создать по-настоящему образцовый союз мужчины и женщины, и первым шагом к этому, конечно же, должна была стать его встреча с родителями будущей супруги, к которой он так тщательно и взволнованно готовился. Ему хотелось, чтобы все прошло в самом лучшем свете, но еще больше ему, как наверно еще никогда ранее, хотелось понравиться им.

Дима вышел из машины и подошел к подъезду, где они расстались с ней совсем недавно. На нем был шелковый ко-

стюм, украшенный любимым красным галстуком. В правой руке он держал горшочек с бегонией, в левой – сжимал букет алых роз, в кармане лежал заготовленный подарок для отца. Никогда ранее он еще не нервничал так сильно перед столь ответственной встречей. Однако иначе и не могло было быть. Он знал, что этот вечер должен стать судьбоносным и определяющим его будущее.

Поднявшись на лифте на седьмой этаж, он нажал на кнопку звонка. Сквозь дверь со стеклянными вставками раздались быстрые шаги и, увидев знакомый силуэт на лестничной площадке, Лена отворила перед ним дверь и в следующий же миг нежно поцеловала.

– Пойдем же быстрее! Я уже все приготовила! – воскликнула она и, проворно поправив прическу, прибавила: – Все тебя ждут.

Дима вошел в небольшую квартиру. Обстановка здесь не была особенно богатой, однако царящая здесь приятная и радушная атмосфера пленяла своим гостеприимством и с лихвой компенсировала другие едва заметные недостатки, которые в общем-то и не хотелось даже замечать. Здесь царил разумный порядок, было уютно, все было расставлено по своим местам; жили они скромно, но безбедно. Из кухни доносился манящий запах чего-то до боли ему знакомого. Штучный паркет немного поскрипывал, издавая царапающий барабанные перепонки звуки, но Дима не придавал этому значение. – “Главное чтобы в семье была гармония, все

остальное поправимо”, – подумал он. Так и случилось. Галина Васильевна – оказалась на удивление душевной и образованной собеседницей с громадным жизненным опытом, Александр Вадимович – был совсем не похож на типичного военного: в целом, его движения и манера общения, конечно же, были весьма резкими, но Дима был готов к этому и быстро нашел с ним общий язык. Из разговора он понял, что отец не носил формы и его распорядок дня, в общем-то, был похож на обычную гражданскую государственную службу. Александр Вадимович был довольно высок ростом, неизменно подтянут и гладко выбрит. Его карие ничем не примечательные глаза, возможно ранее и были заметными, сейчас же казались выцветшими и усталыми, а кожа была такой смуглой, что не знавшие его близко люди без тени сомнения могли бы подумать, что он только что вернулся из экваториальной командировки. Он был лысоват, но в наши дни мужчины теряют волосы достаточно рано, к тому же этот образ шел ему гораздо больше, чем многим другим мужчинам, которые встречались ему раньше. Складки на лбу придавали его облику умудренности и подчеркивали наличие не дюжего запаса знаний, в том числе и житейских.

Супруга часто называла его речи чересчур напыщенными и пространными, до сих пор удивляясь его умению видеть в каждой проблеме следствия глобальных упущений в прошлом. Она, как и многие другие женщины, уже подустала слушать зазубренные до умопомрачения дежурные фразы

супруга, которыми он не преминул воспользоваться и на этот раз, и, стараясь не обращать на них внимание, концентрировалась на своих заботах по приему важного гостя. Диме же, напротив, весьма импонировала экстравертность Александра Вадимовича, и он с радостью и увлечением поддерживал поднимаемые им темы. И хотя в своих эмоциональных репликах отец нет-нет, да позволял себе вставлять пикантные не литературные слова, Дима поймал себя на мысли о том, что если бы в этот момент в семье не было другого мужчины, его общение с Леной и ее мамой превратилось бы в пристрастный допрос о его семье, работе и увлечениях. Беседа же с Александром Вадимовичем о политике, экономике и международных отношениях хотя и была, на его взгляд, весьма поверхностной, все же приносила ему гораздо больше удовольствия нежели обсуждение житейских тем, которые Дима обычно уничижительно называл «мелковатыми».

В противовес супругу, Галина Васильевна была наоборот предельно тихой и говорила и делала все так спокойно и неторопливо, что Дима даже невольно поймал себя на мысли о том, что по-настоящему крепкая семья возможно только там, где супруги имеют некоторые различия в характерах, нежели сходятся в похожести своих темпераментов, подобно одинаковым полюсам магнита.

Вскоре они собрались за круглым, раздвинутым специально для его прихода, столом. На нем заботливой рукой хранительницы очага были расставлены белые глубокие тарелки с

зеленым узором, чуть ближе к духовке – удлиненное блюдо с копченой рыбой, а в центре расположились два блюда с салатами, мозаика из вареной колбасы, мягкого желтого сыра и плетеная миска с хлебом.

Александр Вадимович рассказывал забавные анекдоты. Некоторые из них были весьма пикантными, но это скорее придавало атмосфере еще более естественный, дружеский характер. Как известно, смех в любых его проявлениях благотворно влияет на людей и особенно полезен для преодоления барьеров при первых знакомствах.

К приходу Димы Галина Васильевна приготовила отличный плов, и все четверо принялись смаковать его, разложив по плоским прозрачным тарелкам.

– У вас прекрасно получается! – восторженно похвалил ее Дима, – вы определенно владеете каким-то секретом! У нас в семье его делают немного по-другому.

– Да что вы, Дмитрий, – учтиво ответила она. – Просто придерживаюсь рецептуры.

– А еще, как я вижу, у вас специальная кастрюля. – Дима показал на большую емкость с массивной крышкой. Как вы его готовите?

– Самое главное в плове не состав продуктов, а технология его приготовления, – с расстановкой начала свое пояснение Галина Васильевна, – две части плова обычно готовятся отдельно. Первая часть называется зирвак, а вторая – зерновая. Есть много вариаций плова: узбекский, азербайджан-

ский, туркменский, но какой бы рецепт не использовался, самое главное, что две части плова не должны превращаться в единую кашу. Поэтому я использую особый сорт риса, – она показала на пачку, высовывающуюся из незакрытой створки шкафа. – Лучше всего использовать чугунную емкость, хотя в русской вариации часто готовят и в керамике. Вот. Теперь вы знаете мой секрет.

– Отлично! – сказал Дима и удовлетворенно облизнулся, – постараюсь запомнить и никому не рассказывать.

– А ваши любимые блюда? – уточнил глава семейства Черновых.

– А мне нравятся пельмени, котлеты и жареная картошка с арбузом.

– Картошка с арбузом? Это новое слово в кулинарии! – заинтересованно воскликнула мама.

– Так просто любил дедушка...

– Поразительно! У вас дедушка был великий кулинар?

– Нет, просто это было его любимое блюдо, и он всегда просил делать так, как ему нравилось, а потом еще и ставил бабушке оценки по пятибалльной шкале.

– Как это знакомо! – рассмеялась Лена. – Мы тоже с папой оценки маме ставим.

– Вот деловые... – обидевшись, воскликнула мама. – Сами бы после работы постояли у плиты, а я бы вам оценки ставила, и откуда только такие умные берутся...

– Уверен, они любя, – смягчил разговор Дима. – Надо,

конечно же, женщин разгружать от обязанностей. Я вот, например, многие рецепты сам знаю.

– Мало знать, надо уметь реализовывать на практике, – язвительно вставил Александр Вадимович, пробуя сырный салат.

– А я умею, – гордо добавил Дима. – Записываю рецепты и потом тренируюсь.

– Серьезно? – уточнила Галина Васильевна – и что же, например?

– Котлеты, макароны по-флотски, свиную поджарку с картофельным пюре, пельмени, супы: щи, рыбный, грибной... пироги...

– Пироги? Шутите? – отец изобразил удивленную и едва уловимую недоверчивую гримасу.

– А там самое главное тесто. Рецепт на память не помню. А начинка... Там все просто: капуста, яйцо, соль; а если с мясом, то просто варим, проворачиваем в мясорубке, лук, соль перец по вкусу, немного водички. Я частенько в детстве таскал у мамы начинку и хорошо запомнил этот вкус, – со свойственной ему дотошностью изложил Дима.

– Ну да, а потом на пироги как всегда ничего не оставалось, – со знанием вопроса сострила Галина Васильевна.

– Было дело! Вот так меня и наказывали: говорили – раз съел – теперь делай новую начинку сам.

Все четверо закатились жизнерадостным хохотом.

Дима сделал большой глоток из кружки с чаем и, ошпа-

рив небо, едва сдержал боль, стараясь не привлечь к себе внимание. У него была редкая чувствительность к горячему – сколько себя помнил – он всегда начинал пить чай последним, так как он всегда казался ему чересчур горячим.

Вечер пролетел за разговором очень быстро. Все стали более раскованными, и как это обычно бывает в таких случаях, Александр Вадимович заговорил о политике.

– Ну вот! Снова одно и то же, – внезапно сказал он, устремив взгляд в телевизор. – Все из-за них. Угнетают народ русский...

– Вы о ком, Александр Вадимович? – переспросил Дима, который увлеченно общался с мамой и не обращал внимание на передачу.

– О ком же еще? О евреях. Посмотри, расплодились везде. Где не возьмешь – в любой компании, в руководстве одни – штейны и – маны!

– А может дело все же не в национальности? А в том, что они более работоспособные, пьют не так как остальные? Трудятся больше? Ответственности не боятся? – переспросил Дима, и тут же почувствовал, как Лена толкнула его ногой под столом. Дима, сам не понимая того, затронул одну из самых болезненных тем отца. С языка Александра Вадимовича сорвалась пара бранных слов, и на кухне повисла многозначительная пауза. Отец Лены поджал губы и нахмурил брови, как будто готовясь к долгому и кровавому диалогу, почвой для которого служило огромное количество прочи-

танных им книг и так долго собираемой информацией. Обстановку удалось разрядить дипломатичной маме.

– Саша! Я же тебе много раз говорила! Разговоры о политике, деньгах и болезнях портят нервную систему и аппетит! – она улыбнулась и окончательно уничтожила последние попытки продолжения больной для ее супруга темы. – Берите еще печенье и конфеты, Димочка!

Глава семейства, томясь привычными для него размышлениями зевая и бормоча что-то, неспешно удалился в свою комнату; мама, помыв посуду и потирая руки белым кухонным полотенцем, присела на стул, устремив свой взор в телевизор, стоящий на высоком двухкамерном холодильнике, от Димы наконец-то отступило безмерно тяготившее его, неприятное чувство острой неловкости.

– А я слышал, что телевизор лучше ставить на уровне глаз или даже ниже, – неожиданно заявил Дима, вспомнив недавно прочитанную им, статью известного окулиста.

– Я бы с радостью его переставила, да некуда, такие уж кухни в этих домах. Вроде и почти девять метров, а все равно неудобно. Здесь угол пропадает и этот воздуховод еще совсем некстати.

– Может убрать можно?

– Одни знакомые у нас убрали, так соседи к ним с милицией пришли. Потом по судам бегали, доказывали, что это законная перепланировка.

– Неужели все так серьезно?

– Конечно! Это же общий дом. По правилам даже остекленные лоджии считается перепланировкой. Нужно утверждать в инстанциях.

Лена посмотрела на маму и в то же мгновение поняла, что ей нужно остаться одной и отдохнуть некоторое время. К тому же им самим хотелось побыть наедине.

– Пойдем в комнату! – сказала Лена и повела Диму за руку по коридору.

– Спасибо большое, Галина Васильевна. Все было очень вкусно! – вежливо заметил Дима.

– Какой хороший молодой человек! – подумала мама, провожая его мечтательным взглядом. – Прямо сияет здоровьем и счастьем! Не то, что тот, которого привела в прошлый раз! Хоть бы у них все получилось. Как и любая мать, она очень переживала за свою единственную дочь. Ее собственный отец умер очень рано, Ленина бабушка вот уже многие годы жила в деревне, и самыми близкими для Галины Васильевны людьми, конечно же, стали супруг и дочка. Как бы это не было прискорбно, но Лена в последние годы часто огорчала мать, приводя в дом то неопрятно одетых, то совсем необразованных, то и вовсе откровенно пьющих молодых людей. Галина Васильевна была уверена, что подобные партии не сделают ее дочь счастливой, и всячески старалась отговорить дочь от встреч с этими молодыми людьми. Лена часто не соглашалась с нею, спорила, доказывала свое право на собственный выбор и все же, вспоминая печальный

опыт из своего прошлого, каждый раз, спустя некоторое время, соглашалась с ее мнением. Мама прекрасно понимала, что в нынешнее время найти достойного молодого человека очень не просто и, тем не менее, всегда подчеркивала: «Уж лучше ни с кем, чем с кем-нибудь». Это была жесткая, но справедливая правда жизни. Нет никакого смысла заключать священный союз с тем человеком, который не сможет сделать тебя счастливой и который является недостойным тебя. Дима же произвел на нее крайне приятное впечатление. На первый взгляд она не смогла найти ни одного изъяна, за который могла бы зацепиться в своей критике. Дима представлялся идеальной кандидатурой: статный, перспективный, ответственный, образованный и интеллигентный. Именно таким ее фантазия и рисовала зятя. В какой-то момент она даже задумалась, не слишком ли он хорош для ее дочери. Однако вскоре эти мысли рассеялись, ибо какая же мать может считать недостойной чего-то свою единственную дочь.

Дима и Лена вошли в маленькую комнату, и он впервые оказался в колыбели ее отчего дома. Здесь было тепло, в суховатом воздухе чувствовался тонкий и очень нежный аромат ее любимых японских духов. Плотные тяжелые шторы, грациозно свисая с люверсов, скрывали выход на балкон, в дальнем углу, чувствуя себя основным предметом обстановки на черном постаменте восседал широкоформатный телевизор.

– Вот так я и живу! – Лена провела рукой, демонстрируя

ему свое убранство.

Дима огляделся получше. Пол был полностью закрыт красным паласом и поэтому звуки, издаваемые паркетом, были почти неслышны. Один из уголков ковра был причудливо подвернут, и Дима тут же представил себе, как Лена, впопыхах торопясь и готовясь к его приходу, нечаянно оступилась и забыла его поправить. У выхода на балкон стоял компьютерный столик. Вся левая стена была закрыта мебельной стенкой, за стеклянными створками которой стояли фарфоровые куколки, ракушки, детские фотографии и украшенный восточными узорами темно-коричневый ларец.

– Это с Кипра! – сказал Лена, увидев его заинтересованный взгляд.

– Неужели одна ездила?

– Нет, с Ларисой... подругой.

– И как там?

– Весело! Тепло, море, дискотеки...

Из динамиков компактного серого проигрывателя зазвучала романтическая мелодия, Лена знала заранее, что поставит. Она закрыла дверь комнаты и, увлекая его на стоящий рядом с ними диван, вплыла в уже ожидавшие ее объятия; упоив ласкающим взглядом, она одарила доводящим его до безумия поцелуем, и еще крепче прижалась к нему. Дима впервые оказался настолько близко к ней, его глаза не могли не устремиться в глубокий вырез ее платья, в самом центре которого красовался золотой кулончик с профилем Нефер-

тити. Конечно же, прекраснейшая из супругов Эхнатона, было бы странным, если бы Лена выбрала иную. Легенды рассказывают, что никогда ранее Египет не породил такой красавицы, ее называли «совершенной», ее лицо по всей стране украшало храмы, а некоторые и вовсе именовали ее иноземной принцессой.

Слегка отодвинув рукой мягкую ткань наряда скрывавшего ее грудь, в приглушенном свете торшера он смог разглядеть там странный синячок.

– Вот такое напоминание из прошлого, ударилась о дверь... – прошептала Лена, обратив внимание на предмет его интереса.

Но Дима был настолько увлечен ее темной, явно унаследованной от отца, бархатистой кожей, что уже почти не слышал ее, даже не пытаясь анализировать, как именно, ударившись о дверь, можно получить такой ровный, круглый ушиб. Сам того не замечая, он смотрел на нее словно через какую-то романтическую вуаль, скрывающую недостатки и выделяющую достоинства. От первого же интимного прикосновения, их страсть воспламенила их сердца и души, и они предались страстным, а спустя всего несколько минут и вовсе открытым, свободным от верхней одежды, объятиям.

Уехал Дима уже за полночь. Родители Лены ложились очень рано, и поэтому молодым пришлось прокрадываться по коридору в приглушенном свете. Лена подарила ему последний страстный поцелуй и нежное объятие, всем своим

притяжением демонстрировавшим, как сильно ей не хотелось отпускать его. Лена прижалась к нему, и ее сердце снова начало усиленно биться. Она запустила руки под его пиджак и аккуратно обвила его талию руками, прислонив голову к его груди.

– Аккуратней на дороге, Димочка! Не гони! Как приедешь – напиши сообщение. Без него не засну!

– Хорошо! – прошептал он ей на ушко и, обвив ее шею руками, нежно поцеловал в щеку.

– Почему ты никогда не зовешь меня по имени? – спросила Лена.

– Не знаю, как-то не привык!

– Понятно... будь аккуратнее... – томимая подступившей зевотой прошептала Лена, и плавным движением руки, закрыла дверь.

Дима ехал по опустевшей дороге, вспоминая каждую минуту их встречи. Торопиться было некуда. Он впервые в жизни получал удовольствие от вождения. Не гнал на моргающий зеленый и резко не газовал со светофора. Внезапно в кармане его пиджака пропищал телефон. Пассажирское окно была распахнуто и, закручиваясь по всему салону, приятная ночная прохлада доносилась до него легким ласкающим ветерком. Он притормозил на очередном светофоре и, достав телефон, прочитал: “Я люблю тебя.”. – “Я тоже люблю тебя.” – ответил он.

Заснул Дима поздно. Все прижимал к щеке ладонь, кото-

рая пропиталась тонким ароматом ее ландышевых духов и думал об ослепившей его красоте Лены, красоте, которую можно было лишь смиренно созерцать и нельзя было присвоить себе, как нельзя запрятать к себе в шкаф прелесть утренней зари или закат тропического солнца.

Шумные улицы успокоились, свет в окнах стоящих неподалеку домов угасал один за другим, очертания хмурающейся луны все яснее стали проступать сквозь легкую небесную пелену. В городе воцарилась, плавно вытеснившая густые сумерки, ночь – время для воспоминаний, размышлений и мыслей о вечном, время, когда человеку хочется заглядывать в прошлое и будущее. Помечтать, представить каким мог быть его путь, ежели бы что-то пошло иначе. Дима никак не мог уснуть и предался философским размышлениям. Его воспоминания выпорхнули из души и, преодолев бесконечные лабиринты памяти, полетели вперед подобно облакам на воспарявшем от глубокой дремоты, весеннем небе.

Ожидание будущего всегда так волнительно. Можно было сказать, что в Диме жило два человека, две судьбы одновременно. Эта двойственность, так характерная для Блинецов и совсем не свойственная Девам, всегда разительно отличала его от знакомых коллег и даже родных. Одна его часть была безумно забюрократизирована, если такое определение вообще может быть применено к такому понятию, как душа. Вторая часть требовала творчества, самореализации, полета фантазии. В этой второй половинке он и копался своим сознанием в подобные минуты размышлений. Он боялся сильно переосмыслять прошлое. Поиск каких-то оши-

бок мог лишь вогнать его в печальное смятение. Прошлое статично. Его не изменить, на него не повлиять, его нельзя трансформировать. Думая об этом, он уже давно вывел для себя определенную формулу – брать из прошлого самые светлые воспоминания. Эти моменты рождали в его мыслях и мечтах все самые лучшие стремления, в них он получал дополнительную энергию для новых свершений. Сложно было бы найти другого молодого человека, склонного к подобным философским размышлениям в столь раннем возрасте. В то время, как все его сверстники тратили (он больше предпочитал термин прожигали) время на увеселение тела, его заботила душа.

Один из эпизодов в прошлом был связан с приятным знакомством с девушкой (ей было уже двадцать четыре, а ему всего двадцать два). Обычно он отказывался строить какие-либо отношения с дамами, которые были старше его даже на несколько месяцев. Можно было сказать, что это был один из его немногочисленных комплексов. Однако на удивление для обоих, эти отношения не только вспыхнули, но и затянулись. В жизни почти каждого молодого человека на его линии судьбы возникает таинственная, более опытная в амурных делах незнакомка. Выступая в роли временного ангела-хранителя, они помогают лучше понять женскую душу, научиться правильно, тонко и нежно играть на этом загадочном инструменте. Он всегда удивлялся ее сравнениям женской души с роскошной старинной арфой. Она говорила ему:

«Женщина – это уникальный, тончайший инструмент в руках мужчины. При правильной игре – он издает божественные, небесные мелодии, при плохой игре лишь мерзкие раздражающие брэнчания». Впрочем, очень скоро он, сам того и не замечая, отчего-то начал концентрироваться на ее недостатках, придирается к сущим мелочам, и разгоревшаяся было с начала страсть стала медленно угасать. Первая любовь почти всегда также глубока, сколько и недолговечна.

С Леной же было все абсолютно иначе, он все чаще ловил себя на мысли о том, что с каждым днем открывал в ней все больше очарования и то, что в других представлялось бесстыдным и вульгарным, в ней же поразительным образом казалось умильным и даже забавным.

Спустя несколько дней он познакомил ее со своими родителями.

Уже с восьми часов утра Александр Вадимович с супругой были заняты своими служебными обязанностями. Многие удивлялись, как им удавалось работать вместе; шутка о том, что мужчина ходит на работу не в последнюю очередь потому, что хочет хоть некоторое время побыть вдалеке от назойливой опеки супруги была крайне популярна в их части.

– Дубов! – нахмурившись, произнес он командным голосом, вдавив кнопку селектора, вызывая одного из своих подчиненных.

– Да, Александр Вадимович, – послышался голос слегка заикающегося молодого человека.

– Где документы, которые должны были поступить ко мне с утра на ознакомление?

– Но ведь... Разве Кирзачев не принес их вам?

– Дубов! Коли природа наделила тебя разумом, а ты с ним управляться не умеешь и не пользуешься им, научись хотя бы просто выполнять приказы! Слов на языке у тебя много, а мыслей в голове мало! Если бы их принесли мне, неужели я бы стал вызывать тебя! Быстро все выясни и доложи! – пригрозил Александр Вадимович и, отпустив кнопку селектора, приступил к составлению распоряжений. В душе он, конечно же, не был таким воинствующе строгим, как хотел пока-

заться; ко всему этому антуражу обязывало положение и обстоятельства.

Вытащив ручку и чистый лист бумаги из первого ящика своего рабочего стола, он начал писать. Стоявшие неподалеку у окна компьютер и принтер все еще не снискали его расположения.

– Разрешите войти? – послышался через несколько минут звонкий голос молодого прапорщика.

Александр Вадимович выдержал паузу начальственности, и, сдвинув брови и натянув на лицо гримасу серьезности, сухо произнес:

– Разрешаю!

Дверь отворил невысокий юноша. Темно-синий двубортный пиджак был куплен им явно на вырост, галстук в зеленую полоску, завязанный плотным маленьким узелком едва доходил до середины живота, брюки у самых ботинок запачканы капельками грязи.

– Александр Вадимович?

– Верно. С чем пожаловали? – с отсутствующим взглядом человека, который делает свое дело в полном соответствии с инструкциями, осведомился он.

– Вот новую редакцию указа о нашей службе разношу. Распишитесь в получении копии, – сообщил прапорщик и положил увесистый документ на стол.

– Разрешите идти?

– Ступай! – ответил Александр Вадимович, передав ему

подписанный лист ознакомления.

Кирзачев быстрыми шагами покинул кабинет, и подполковник погрузился в размышления, внимательно просматривая указ строчку за строчкой, силясь понять, что же требуют от вверенного ему кадрового подразделения. Наконец, добравшись до пункта III, в котором излагались функции службы, он сразу перешел к параграфу «Д», который непосредственно относился к его полномочиям.

«В сфере работы с кадрами» – стыдливо надев очки, которые не носил в обычной обстановке, он приступил к чтению – «проводит подбор специалистов по направлениям деятельности Службы; проводит мероприятия, связанные с прохождением военной службы военнослужащими и осуществлением трудовой деятельности гражданским персоналом Службы; организует боевую, морально-психологическую и профессиональную подготовку сотрудников, работу по повышению их квалификации и переподготовке». На этом пункте он остановился и отбросил документ на стол. «Куда уж там... Профессиональная подготовка», – повторил он про себя и, окинув взглядом углы кабинета, словно проверяя нет ли в нем подслушивающих устройств, продолжил размышлять. «В нашей стране, чтобы быть профессиональным министром обороны нужно уметь заниматься маркетингом и торговать мебелью». Он бы позволил себе еще большие мыслительные вольности, однако в дверь снова постучали. На этот раз это был программист Хрюкин из недавно обра-

зованного компьютерного отдела. Внешность его отличали неприлично длинные для службы в военной организации рыжие волосы, несимметричный рот и довольно высокий лоб. Длинный шерстяной свитер был надет сразу поверх белой майки без рубашки, а темно-синие брюки уж очень сильно напоминали джинсы.

– Еще бы двадцать пять лет назад вас бы уже отчислили за неопрятность, Тимофей! – укорительно заявил Александр Вадимович, наблюдая за тем, как юноша, едва войдя в кабинет, сразу же направился к компьютеру.

– Двадцать пять лет назад я еще не родился, – улыбнулся ему молодой программист и, не желая вступать в затяжной спор с подполковником, решил без особых эмоций выполнить порученную ему работу.

– Снова обновление? – осведомился Александр Вадимович, как будто ожидая какого-то подвоха. Лоб его собрался в морщины, и он настороженно кашлянул.

– Так точно! – скорее для забавы, нежели, чем для соблюдения правил общения заявил Хрюкин, и, удивившись увиденному на экране, сам осмелился уточнить некоторые подробности. – А я смотрю, вы совсем компьютером не пользуетесь. Последний вход в систему у вас... – он нажал пару кнопок и, увидев знакомое число, с еще большим удивлением воскликнул – ... 25 числа. Это ведь я к вам тогда и приходил. Неужели без меня ни одного документа не напечатали?

– А я прекрасно и без него справляюсь, – не смутившись,

парировал Александр Вадимович. В глубине души ему, конечно же, было стыдно за то, что он так и не смог найти время, чтобы попытаться изучить принципы работы этой «дьявольской машины». – Докладные и распоряжения от руки быстрее писать, а если что найти надо, так всегда можно Злобину из машбюро попросить.

– Ох, не правы вы, Александр Вадимович, – приговаривал Хрюкин. – У компьютера ведь столько плюсов. Нас и так уже стыдят все, кто к нам в гости заглядывает. Говорят, не может быть, чтобы держава, родившая Менделеева, Курчатова и Королева до сих пор авторучками документы составляла. А то что дольше, это еще вопрос... Я, наверное, набираю быстрее, чем вы пишете.

– А тут и не в скорости дело, – пытался полемизировать Александр Вадимович, понимая, что молчание означало бы капитуляцию.

– А в чем же еще? Бумага и вовсе не нужна будет скоро. Начальник нам вчера приказал изучать новую систему. Вот внедрим... – чихнув, Хрюкин вытер ладонью губы... – тогда и вовсе весь документооборот переведут в электронный вид, знаете там цифровые подписи, безбумажные технологии, сверхкомпактные носители.

– Кто знает, может я тогда уже и вовсе работать не буду, – заявил Александр Вадимович, сделав театральную паузу для придания своему голосу большей убедительности.

– Ох не рано ли вы себя списываете? Слышал у вас в

управлении все недавно переаттестацию прошли, а вот со следующего года компьютерные тесты в программу проверки включают, вот тогда еще вспомните Тимофея, будете просить помочь с подготовкой... А то я даже и сам не знаю, зачем я здесь вам все обновляю, если вы к компьютеру не прилагаетесь.

– Работа у тебя такая, в отчете врать нельзя, сказано пройти все компьютеры в управлении, значит нужно пройти все... – Александр Вадимович в этот день был не расположен выслушивать долгие нравоучения от мальчишек. Если бы Тимофей не был сыном его хорошего приятеля, он бы и вовсе перешел на свой отточенный годами официальный тон, вежливо попросив его побыстрее закончить работы и покинуть кабинет.

Проходя по коридору, он успел сделать замечания трем бранившимся во весь голос ефрейторам. В организации он слыл строгим, но рассудительным и почти никогда не давал спуску разнузданным новобранцам.

За перерывом на обед в столовой к чете Черновых присоединился их старый знакомый. Федор Кузьмич был человеком не высокого роста, со сверкающей лысиной, приплюснутым носом, который он постоянно тискал, и увесистым животом. Лицо его на работе выражало лишь две эмоции: безмерное высокомерие перед подчиненными и столь же безмерное смирение перед вышестоящими начальниками.

– Великолепную вы сегодня, свинину завезли, Галина Ва-

сильевна, – обратился он, слегка причмокивая во время еды по своей давней привычке.

– Спасибо, Федор Кузьмич! Рады стараться. Значит, я на своем месте работаю. Куда же кухня денется без моего контроля за закупками, – мило улыбнулась Галина Васильевна.

– Она у меня еще и каждое новое блюдо пробует перед тем, как его в наше меню добавить, – преисполненный гордостью за свою супругу прибавил Александр Вадимович и, посмотрев за соседний столик и не увидев там подполковника Угрюмина, с удивлением в голосе снова обратился к Федору Кузьмичу. – А где же Святослав Михайлович? Снова прогуливает по семейным обстоятельствам, как в прошлом месяце?

– Говорят, зуб у него разболелся.

– Так разве по зубной боли у нас от работы освобождают? Всегда разрешали только отлучку на пару часов и снова в строй.

– Да говорят у него осложнения!

– С зубом?

– Почти... – откашлявшись в мясистый кулак и улыбнувшись, ответил Федор Кузьмич и продолжил с улыбкой, – он как узнал, что водкой полоскать больной зуб нужно... так вот и переусердствовал... Зуб-то удалили, а от водки до сих пор отойти не может. Дай бог, скоро поправится.

Галина Васильевна тоже улыбнулась забавной истории, однако для себя отметила в его реплике другое. «Как быст-

ро в лексиконе еще недавно состоящих в коммунистической партии стали появляться слова о боге и религиозных догмах». Вскоре, частенько принимавший пищу быстрее остальных, Федор Кузьмич пожелал им приятного аппетита и, встав из-за стола, и лениво, в развалку, как он обычно шагал, когда нужды торопиться не было, проследовал к выходу из столовой.

Галина Васильевна заканчивала рабочий день на час раньше супруга и посему они никогда не возвращались домой вместе.

Бледность фонарных огней постепенно сменилась проступающей зарей. Будильник на ее тумбочке разразился пронзительным звоном. В этот день сон у Лены был отменный, и разбудить ее было под силу лишь этому, как она говорила, «самому страшному после атомной бомбы изобретению человека». Она сладостно зевнула и, неторопливо открывая глаза, вдруг осознала, что забыла отключить его на выходные, и «заклятый враг» нещадно пищал, словно призывая невидимые силы во исполнение своей тяжелой, но священной миссии – выталкивания своего хозяина из тепленькой кровати. Привычные для будней половина седьмого были совсем нежеланными для этого солнечного субботнего утра. Она дотянулась до кнопки отключения и продолжила дремать. В ее сознании возникали приятные ее душе и сердцу образы. Она бежала по залитому солнечными лучами полю за руку с маленькой белокурой девочкой. Они веселились, бегали вокруг друг друга и водили хоровод. Вокруг них звучала веселая беззаботная музыка. Никто из них не понимал, откуда она берется, да и, в общем-то, в этот момент это совершенно не интересовало их. Солнечные лучи жадно продирались сквозь густые кроны деревьев, они продолжали бежать, распахнув руки, подражая птицам, и тоненькие колоски, щекоча, касались их ладошек. Вскоре они выбежа-

ли на просторную цветочную полянку, вокруг них рассыпалось бесконечное множество ромашек, васильков, колокольчиков и незабудок. Они бежали все дальше, высоко подпрыгивая на каждом шаге. Вскоре их взору предстала и вовсе незабываемая картина: за ухабистой автомобильной колеёй начиналось огромное, утопающее в палящих солнечных лучах, подсолнуховое поле, а горизонт превратился в бескрайнее ярко желтое покрывало. Они подходили все ближе и вот уже могли почти дотянуться рукой до их зеленого фартука из миллионов стебельков и листьев...

Внезапно картинка начала расплываться, улетая едва заметной дымкой. Дремота покидала ее, как обычно, на самом интересном месте. Она пыталась ухватиться за эту ускользающую ниточку, словно котенок, пытающийся ухватить ускользающий от него клубок. Но все попытки были безуспешны.

Этот день Лене было суждено провести в печали и тревоге. Дима сообщил ей о командировке в Сомали. Это была его вторая рабочая заграничная поездка. Из разговора она поняла, что он не очень-то и сопротивлялся своему заданию. Директор лично поручил ему сделать этот репортаж, и Дима радовался, что впервые в жизни на него сделали решающую ставку. Лена же, напротив, чересчур сильно переживала за него и всеми силами пыталась отговорить. Но Дима был непоколебим. Билеты на самолет уже были приобретены, номер в гостинице был забронирован. Вылет планировался но-

чью, и Дима очень просил не провожать его.

Такси остановилось у аэропорта в бархатистом мраке опустившейся ночи, и он, расплатившись с водителем, на удивление быстро преодолел все таможенные преграды и одним из первых устроился в самолете. Ждать вылета оставалось около получаса, и чтобы скоротать время он принялся читать проспект, который перед выездом передал ему Илья.

«Сомалийская Республика – африканское государство, расположенное в восточной части континента, существует на данный момент лишь номинально. Переходное правительство признается международным сообществом в качестве законной сомалийской власти, однако, в настоящее время оно фактически контролирует лишь незначительную территорию в центральной части страны. Считается, что южную часть Сомали контролируют группы формирований, близкие к международной террористической сети «Аль-Каида», северные же районы находятся под контролем непризнанного государства Республика Сомалиленд, объявившем о своей независимости, но пока не получившем признания других стран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.